Н. В. Валентиновъ.

РЕВОЛЮЦІЯ

И

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА

СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

МОСКВА.—1917 г.

Типо-лит. Т./Д. „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°". Б. Якиманка, 3

— «Всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ и навсегда отмѣняется. Вся земля съ ея водами и нѣдрами объявляется достояніемъ Россійскаго Государства. На пользованіе этимъ достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право» [1]).

Такъ объявляетъ земельный законъ, выработанный соціалистами-революціонерами и такое же требованіе единогласно и рѣшительно выносится на всѣхъ крестьянскихъ съѣздахъ. Пройдетъ три мѣсяца, соберется Учредительное Собраніе и подавляющее его большинство изъ представителей крестьянскаго населенія, творя волю пославшихъ, должно высказаться за уничтоженіе всякой частной поземельной собственности. «Отнынѣ и навсегда». Грядетъ, невиданный еще въ мірѣ, колоссальный переворотъ, прекращающій наслѣдованіе, закладъ, дареніе, куплю и продажу земли. Организація изъятія земли изъ товарнаго обращенія и подъитоживаніе слѣдовъ существованія прежней собственности, далеко не столь простая задача, какой она можетъ представляться умамъ, «идущимъ къ небесному» и все здѣшнее, какъ

---

[1]) „Введеніемъ „права на землю“ въ конституцію государства... отмѣняется всякая частная собственность на землю, независимо отъ того, кому земля принадлежала—частному лицу, общинѣ или государству. Вся земельная площадь государства становится, при такомъ порядкѣ, доступной свободному и равному пользованію всѣхъ гражданъ на уравнительныхъ началахъ“ (см. брошюру нынѣшняго товарища министра земледѣлія П. Вихлеева—„Какъ уравнять пользованіе землею“).

увѣрялъ Григорій Богословъ, почитающимъ ничего «не стоющи
дымомъ».

Нужно, говоримъ мы, ожидать «чуда», по крайней мѣрѣ, ес
подходить къ отмѣнѣ земельной собственности съ европейск
точки зрѣнія и предполагать, что она отмѣняется, дѣйствител
но,—навсегда. Что-жъ: Россія страна чудесъ... «Умомъ Россію
понять, аршиномъ общимъ не измѣрить» (Тютчевъ). «Всѣ т
которые хотятъ Русь мѣрить на ярды и метры не знаютъ ея
(Герценъ). У нея все свое и оригинальное. На Западѣ кресть
нинъ зубами держится за клочекъ огорода, а у насъ такой
собственникъ объявляетъ объ отмѣнѣ всякой частности земел
ной собственности «отнынѣ и навсегда».

Какъ ближайшую практическую мѣру сегодняшняго дня, ру
скій крестьянинъ выставляетъ требованіе, осуществить кото
западно-европейскій соціалистъ не мечтаетъ и черезъ «два дн
послѣ соціалистической революціи. Напримѣръ, Каутскій, и
бражая осуществленіе соціалистическаго режима, ни на мину
не представляетъ, что диктатура пролетаріата въ 24 часа п
вратитъ, безъ выкупа, всѣ земли, всю частную поземельн
собственность въ достояніе германскаго государства. Соціал
стическое общество, по его мнѣнію, будетъ отличаться велича
шимъ разнообразіемъ и гибкостью формъ, будетъ существова
собственность государственная ,городская, кооперативная и, да
къ величайшему и презрительному удивленію многихъ хорош
русскихъ мальчиковъ—частная собственность. Трудности, мно
значительно добавляетъ Каутскій, ожидающія пролетарскій
жимъ, лежатъ не въ области собственности, а въ области п
изводства.

Такъ на Западѣ, но мы не Западъ, а Востокъ... Герценъ,
его, какъ атланта идеологіи соціалистовъ-революціонеровъ, на
неоднократно придется цитировать), стоявшій именно на вост
ной точкѣ зрѣнія и страстно защищавшій мысль, что Россія п
чинена особымъ самобытнымъ законамъ развитія, какъ-то в
кликнулъ:—«не странно ли повторять всю длинную метаморф

западной исторіи, зная напередъ секретъ комедіи». «Разъ въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ мы прожили западную исторію», зачѣмъ же повторять ее, зачѣмъ же «догонять Западъ по длинному шоссе, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ».

Идемъ ли мы въ объѣздъ или не двигаемся дальше собственнаго носа—покажемъ ниже. Налицо лишь фактъ, что въ Россіи національзація всей земли имѣетъ несомнѣнно какой-то особый, своеобразный смыслъ и значеніе. Она выставляется «въ объѣздъ Европѣ», при условіяхъ, заставляющихъ насъ внимательно обслѣдовать ее рождающій и поддерживающій строй мысли.

Подходя къ вопросу, мы должны опредѣленно заявить, что національзація всей земли есть специфическое требованіе соціалистовъ революціонеровъ. Это ядро орѣха, въ скорлупѣ «Земли и Воли»—историческое требованіе и идеалъ народнической мысли. И чтобъ понять какъ ставится національзація земли у соціалистовъ-революціонеровъ достаточно взять ихъ программу. «Въ вопросахъ переустройства земельныхъ отношеній, партія с.-р. стремится опереться.... на общинныя и трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности на распространенное среди нихъ убѣжденіе, что *земля ничья* и что право на пользованіе ею дастъ лишь трудъ». «Партія соціалистовъ-революціонеровъ, гласятъ комментаріи, считаетъ, что русскіе крестьяне совершенно правы, когда думаютъ, что земля ничья». Въ тысячахъ приговорахъ и на сотняхъ съѣздахъ, устами своихъ представителей, крестьянство заявляло, «земля—ничья, земля—Божья» и нынѣ, когда налицо полная «воля», нужно сдѣлать только полшага до государственнаго прокламированія такого взгляда въ формѣ національзаціи, т.-е. изъятія ея изъ товарнаго оборота и превращенія «въ общенародное состояніе».

Слѣдовательно, мысль о національзаціи, къ которой европейское соціальное движеніе приходитъ въ результатѣ долгаго раз-

думья, у насъ, какъ кладъ подъ ногами, живетъ въ правосла
номъ народѣ настолько крѣпко, что въ любой избѣ, вы найде
семью убѣжденныхъ націонализаторовъ. У насъ все своеобразн
все не какъ въ Европѣ и все наоборотъ. И, очевидно, бы
правъ Петръ Никитичъ Ткачевъ: «нашъ народъ, несмотря
свое невѣжество, гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы З
падной Европы, хотя они и образованнѣе русскаго народа».
еще болѣе правъ Достоевскій: «русская нація необыкновенн
явленіе въ исторіи всего человѣчества. Нашъ армякъ, хотя и
завершенное, но твердое и незыблемое зданіе, носящее въ се
истинную идею».

Попробуемъ, не теряя головы въ чаду нынѣшняго революціо
наго мессіанизма, оказывающагося весьма стариннымъ, разобрать
въ необыкновенной идеѣ армяка, съ помощью которой Россія и
дряннаго хозяйственнаго матеріала можетъ создать высшія и е
недостигнутыя Западомъ формы земельной собственности.

Дѣло въ томъ, что западныя культурныя государства имѣю
только двѣ общихъ характеристики собственности: собственнос
частная и собственность общественная—коммунальная, городска
государственная, кооперативная. Опредѣленіе «ничья» Западъ
знаетъ и не понимаетъ. Въ мірѣ существуетъ только два го
дарства—Россія и Америка, языкъ которыхъ пользовался сто
странной юридической номенклатурой.

Земля—ничья, говорилъ американскій фермеръ, подвигаясь
великой равнинѣ къ Западу отъ Миссисипи, по баснослов
плодородной землѣ, никѣмъ не занятой, никѣмъ не обрабатыва
мой, никому не принадлежащей, свободной и всѣмъ доступно
какъ воздухъ. «Земля сама по себѣ не имѣла никакой цѣннос
такъ что не было большой разницы измѣрялись ли чьи-нибу
владѣнія акрами или квадратными милями».

Такъ было и тому времени соотвѣтствовало опредѣленіе «ничья
Съ тѣхъ поръ все перемѣнилось, земля захвачена, закрѣпле
стала не ничьей, а чьей-то, личной, обществъ, государства
если бы нынѣ сказать фермеру,—земля, обрабатываемая имъ,

го, а «ничья», онъ пошелъ бы съ кулаками противъ дерзкаго экспропріатора. Будетъ время, когда силы соціалистическаго пролетаріата, созидая новый строй, предложатъ фермеру вложить въ общее достояніе и его земельный участокъ. Земля станетъ не личной, а общей, принадлежащей всѣмъ и никому въ частности, но на такое общее достояніе фермеръ не будетъ смотрѣть глазами далекаго предка, находившаго ничью землю въ штатѣ Небраска.

То, что умерло въ Америкѣ, еще живо въ Россіи. Исторія Россіи, уже давно отмѣчено, есть исторія вѣчно колонизуемой страны. Въ продолженіе сотенъ лѣтъ шло колонизаціонное движеніе «по никому не принадлежащей» и «ничьей землѣ». Колонизаторъ шелъ на вольныя земли въ Туркестанъ, Кавказъ, Сибирь, переплылъ Беринговъ проливъ и нашелъ, что и въ Аляскѣ земля тоже никому не принадлежитъ. На своемъ пути онъ не встрѣчалъ большого сопротивленія и его не могъ задержать, въ значительной степени имъ ассимилированный, сосѣдъ-азіатъ, гонявшій стада и табуны, по никому не принадлежавшей землѣ.

Географическая ширь и безграничность, отсутствіе преградъ на азіатскомъ востокѣ (первую серьезную преграду мы почувствовали лишь въ японскую войну), постоянная возможность безпрепятственно расширяться, укрѣпляли русское крестьянское странничество, и особый взглядъ на землю. Мысли, взгляды, чувства приспосабливались къ процессу соціальнаго кочевничества и нашъ лучшій историкъ справедливо отмѣтилъ, что оно отразилось даже на внѣшней формѣ жилища. Крестьянскіе поселки по Волгѣ и многихъ другихъ мѣстахъ Россіи на путешественника съ Запада «производятъ впечатлѣніе временныхъ случайныхъ стоянокъ кочевниковъ, не нынче — завтра собирающихся бросить свои едва насиженныя мѣста, чтобы передвинуться на новыя».

Здѣсь одинъ ключъ для пониманія русскаго — «ничья». Подобный взглядъ могъ выработаться въ государствѣ, имѣвшемъ бокъ-о-бокъ свободный земельный фондъ для колонизаціоннаго

разселенія. Крестьянинъ, испытывавшій невыносимую тягост крѣпостныхъ отношеній, знавшій, что рядомъ, на вольной, «ничьей землѣ онъ могъ бы осуществлять не крѣпостной, а вольны трудъ, мысленно переносилъ внутрь государства, какъ идеал негосударственное состояніе этой вольной земли. На ничьей зем лѣ, разсуждалъ крестьянинъ, можетъ быть вольный трудъ, значит чтобъ крѣпостной трудъ превратился въ вольный, земля должн стать «ничьей», т.-е. такой, какую ее находятъ передвигающі по степи кочевники. То было рѣшеніемъ соціальной проблем уровнемъ кочевнической мысли и тактика крестьянства соотвѣт ствовала постановкѣ вопроса: оно не боролось за измѣненіе зе мельныхъ отношеній внутри государства, а убѣгало на вольну землю.

За отсутствіемъ сопротивленія, крѣпостничество въ государ ствѣ не уменьшалось, а, наоборотъ, росло, и параллельно жела нію «убѣжать» увеличивалось желаніе задержать бѣглаго раб и прикрѣпить. Нашей географіи, такимъ образомъ, мы обязан многими тяжелыми соціальными недугами, въ томъ числѣ безмѣрно задержавшимся крѣпостничествомъ, многообразныя слѣд ствія котораго кошмаромъ лежатъ на нашей революціи, въ видѣ бунтующаго раба и многихъ проявленій азіатской некультурности

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, думаемъ, ясно почему нельзя провести націонализацію земли въ европейскомъ смыслѣ, опираясь именно на доброе, старо-казачье, кочевническое представленіе «ничьей» землѣ. Но иначе смотрятъ соціалисты-революціонеры

Иначе смотрѣлъ въ 61 г. и Герценъ, не находившій «ничего нелѣпаго въ предположеніи», что «новыя общественныя формы новыя экономическія основы», притомъ высшія, чѣмъ западныя «разовьются въ странахъ малоимущихъ съ бродячими неустроен ными силами». На такое предположеніе одинъ отвѣтъ. Соціа лизмъ, созидаемый европейскимъ человѣчествомъ, устраивается не всякими малоимущими силами, а тѣмъ болѣе, не бродячими и отмѣна частной собственности, о которой говоритъ этотъ со ціализмъ далека отъ представленія на собственность кочевыхъ

калмыковъ, ибо калмыки могутъ «уничтожить» собственность только по-калмыцки. Въ исторіи еще не было случая, чтобъ народы прыгали выше своей головы. И если фанатики все-таки будутъ доказывать, якобы, избранные Богомъ калмыки близки европейскому соціализму, нужно замолкнуть. Здѣсь больная націоналистическая вѣра въ силы своего народа, какъ народа чудотворца. Мы реалисты и знаемъ: гдѣ чудеса, тамъ мало складу.

Мы подошли къ вопросу о ничьей землѣ съ точки зрѣнія географіи, подойдемъ къ нему съ исторической стороны. Вѣроятно, для многихъ мы откроемъ новую Америку, когда скажемъ, что своеобразная національзація, какъ хозяйственная опора весьма типичная для восточныхъ деспотій, издавна существовала въ Россіи. Земля была ничья, вѣрнѣе сказать, Божья, ибо Богъ Царь Небесный, владыка міра, и ему принадлежитъ и то, что на небесахъ и то, что на землѣ. Принадлежа Богу, земля находилась въ распоряженіи намѣстника Божьяго на землѣ, его помазанника—Московскаго царя, потомъ всероссійскаго императора. «Та земля Божья, да государева». Царь, получившій отъ Бога мистическую власть распоряжаться судьбою своихъ холоповъ и людишекъ, смотрѣлъ на врученную Богомъ землю, какъ на землю служилую, отдаваемую лишь въ условное, временное, личное пользованіе, связанное съ несеніемъ обязанностей, угодныхъ Богу и царю. На земляхъ, розданныхъ церквамъ и монастырямъ, какъ государственнымъ молельщикамъ о спасеніи души, ратнымъ людямъ, какъ защитникамъ Бога, царя и отечества—трудились крестьяне («православные христіане») сначала въ качествѣ вольныхъ людей, «перехожихъ арендаторовъ» государевой и помѣстной земли, а потомъ въ качествѣ прикрѣпленнаго къ ней крѣпостного населенія. Земля не принадлежала ни помѣщику, ни, тѣмъ болѣе, крестьянину. На фонѣ національзированной земли, по замѣчанію въ 1852 г. И. В. Кирѣевскаго, безусловность поземельной собственности «могла являться только какъ исключеніе» и глубоко отличное отъ Запада положеніе, въ которомъ русскій

человѣкъ «понималъ себя относительно поземельной собственност укрѣпляло взглядъ на нее, какъ на землю Божью, ничью, ли временно распоряженіемъ милостиваго царя, находящуюся крестьянина[1]). Крестьянинъ зналъ не право на землю, а пра на трудъ, право собрать результатъ приложенія труда на жихъ земляхъ. «Про такія земли крестьянинъ XVI в. говорил «та земля великаго князя, а моего владѣнія»; «та земля Божь да государева, а роспаши и ржи наши»... Крестьяне очень яс отличали право собственности на землю отъ права пользо нія ею».

Приводимъ эти слова нашего авторитетнаго историка В. О. Кл чевскаго, чтобъ показать насколько правъ авторитетный д эсъ-эровъ Быховскій, когда поучаетъ свою паству, будто право трудъ и отрицаніе частной собственности выработаны «общинн формою землевладѣнія». Корней «права на трудъ» и отрицаі частной собственности нужно, какъ оказывается, искать подал ше и поглубже, и въ географіи, и въ исторіи—въ нѣдрахъ со альпо политическихъ основъ московской деспотіи. Судите сами как великолѣпное и пестрое зданіе націонализаціи можно выстрои изъ покрытыхъ плѣсенью допотопныхъ кирпичей! Въ нихъ ниче отъ Запада и все отъ Востока, ничего отъ будущаго, и все о прошлаго. Ихъ прекрасно пойметъ египетскій феллахъ, посел нинъ Турціи, гдѣ еще до сихъ поръ «по Корану» существуе націонализація, но они совершенно чужды европейскому созн нію. И Западъ, смотря съ Эйфелевой башни—скачку «въ объѣзд на арбѣ, везомой представленіями временъ Ивана Грознаго, м

---

[1]) Здѣсь, въ мірѣ земныхъ хозяйственныхъ отношеній, вырос мистическая вѣра русскаго крестьянства въ батюшку царя, подня шая его высоко до неба, до званія Божьяго помазанника. Зем брызнула въ небо и посадила кляксу. Передвигалась земля въ рук крестьянства, накренялся царь. Царь упалъ—и земля стала кр стьянской. Царь можетъ подняться, но на передвинутой землѣ встанетъ уже не прежній царь-помазанникъ неба, а ставленник новой земли.

жетъ насмѣшливо качать головой: дѣти, на этой машинѣ вы меня не обгоните!

Въ 1762 г. обязательная ратная повинность служилыхъ людей была отмѣнена. Было объявлено о «вольностяхъ дворянскихъ», но помѣщикъ не сталъ частнымъ землевладѣльцемъ, а земля его простою гражданскою собственностью. Освобожденный отъ воинской повинности, онъ получилъ, хотя и пріятную, но все же обязанность управлять крѣпостными. Надъ землею его бдило государево око и помѣщикъ, напримѣръ, не имѣлъ права продать землю, не оставивъ водворенному на ней крестьянину до $4^1/_2$ десятинъ. Такимъ образомъ, «русскій помѣщикъ вплоть до 19 февраля 1861 г. владѣлъ своею землею не на гражданскомъ, а на политическомъ правѣ, потому что это владѣніе неразрывно связано было съ такими обязанностями, которыя по дѣйствовавшему гражданскому праву не связаны были съ простой поземельной собственностью. Эти обязанности впервые отмѣнены были закономъ 19 февраля» (Ключевскій). Лишь послѣ 61 г. частновладѣльческія земли окончательно ушли изъ націонализированнаго фонда, контролируемаго государствомъ. Но національная не умерла, въ ея фондѣ остались земли какъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ, такъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Впредь до окончательнаго выкупа (подлежавшаго исчерпанію только въ 1931 г.!) земли находились лишь въ пользованіи крестьянъ на условіяхъ несенія ими, какъ низшимъ классомъ, цѣлой совокупности тяжелыхъ обязанностей. Земельный надѣлъ по манифесту 19 февраля давался крестьянамъ «для исполненія обязанностей ихъ передъ правительствомъ». Въ 1893 г. крестьянамъ было запрещено безъ согласія общины досрочно выкупать свой надѣлъ, выходить изъ общины, равно какъ продавать и закладывать надѣльныя земли лицамъ, не принадлежащимъ къ сельскому обществу. Громадная часть земельнаго пространства Россіи была изъята изъ товарнаго обращенія и Государственный Совѣтъ, разсматривая въ 1890 г. эту своеобразную иммобильную область, «затруднялся усвоить себѣ существующій на западѣ Европы

взглядъ на земельную собственность, какъ на товаръ, ничѣмъ не отличающійся отъ прочихъ цѣнностей, обращающихся на мѣновомъ рынкѣ». «Это, можетъ быть, правильно, говорили въ Г. Совѣтѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ западно-европейскимъ государствамъ», но совершенно непримѣнимо для Россіи. Члены царскаго Г. Совѣта, какъ видите вполнѣ раздѣляли точку зрѣнія крестьянъ и соціалистовъ революціонеровъ, земля не товаръ и продаваться не можетъ. Не нужно напоминать, что сами-то члены Совѣта, торговали нетоваромъ весьма энергично.

Въ Россіи, слѣдовательно, существовала *національзація* земли, ибо государство контролировало пользованіе землею, изъятой изъ товарнаго обращенія, и «*соціализація* земли», поскольку распоряжавшіяся землею общины практиковали *уравнительные* передѣлы.

Отмѣна выкупа и серія столыпинскихъ законовъ въ очень грубой формѣ, продиктованной опредѣленнымъ политическимъ разсчетомъ, выводили крестьянскія земли изъ состоянія иммобильной, государевой земли. Крестьянинъ дѣлался изъ пользователя—владѣльцемъ земли. Онъ получалъ право ее дарить, закладывать и продавать. Послѣ закона 14 іюня 1910 г. онъ юридически становился такимъ-же полнымъ собственникомъ, какимъ давнымъ давно уже былъ помѣщикъ. Ходъ развитія земельной собственности въ Россіи можно характеризовать, какъ денаціонализацію земли, какъ разложеніе восточной національзаціи и примитивной общины. Изъ государевой, ограниченной въ распоряженіи, находящейся лишь въ пользованіи, земля постепенно превращается въ мобильную, свободную частную собственность. Здѣсь—нѣчто обратное европейскому, такъ какъ въ то время, какъ на западѣ растутъ мощныя силы, способныя въ порядкѣ организованнаго разсчета и управленія ставить вопросы о настоящемъ ограниченіи и уничтоженіи правъ частной собственности, чья сладость уже изведана долгимъ опытомъ, а сама она достаточно потрепана машиной капиталистическаго развитія, Россія, въ лицѣ сотни милліоновъ крестьянъ лишь впервые получаетъ свободную

›бственность въ руки, чтобъ начать путь, ужъ пройденный Ев-
ропой.

А мы этимъ путемъ итти не желаемъ. Исторія насъ причали-
а къ берегу собственности, а мы отпихнемся отъ него и подъ
арусомъ «Земля и Воля» пустимся обратно въ море восточной
аціонализаціи. «Всякая частная собственность на землю отнынѣ
навсегда отмѣняется». Крестьяне отказываются отъ нея.
Крестьяне, поучалъ рабочую партію Ленинъ въ 1906 г., съ
еобходимостью доходятъ и дошли уже, въ лицѣ передовыхъ
воихъ представителей, до требованія отмѣны всей частной соб-
твенности на землю вообще». («Пересмотръ аграрной программы,
тр. 15). Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ, и крестьяне совсѣмъ
‹дошли». Вѣдь срокъ не малый! Что на Западѣ въ мукахъ рож-
ается столѣтіями, то у насъ—въ нѣсколько часовъ. Дѣло, од-
іако, въ томъ, что нашъ анархо-коммунистъ, проклявшій сгнив-
шій Западъ и его «сгнившій» соціализмъ, просто путаетъ, кре-
стьяне не могли «дойти», такъ еще не «ушли» и «уходъ» лишь
только теперь совершается...

Какъ вѣрно здравый смыслъ народа
Значенье словъ опредѣлилъ!
Не даромъ, видно, отъ «ухода»
Онъ вывелъ слово «уходилъ»[1]).

Разница между Ленинымъ и соціалистами-революціонерами,
совершенно ничтожна. Ленину кажется—крестьяне уже живутъ
въ «Новомъ Завѣтѣ»; это ясно изъ его книги (В. Ильинъ. Раз-
витіе капитализма въ Россіи 1898). Отсюда, между прочимъ, и
выросла его прежняя аграрная программа «отрѣзокъ», продикто-
ванная боязнью нанести ударъ, якобы, капиталистическому, а,
на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ своемъ, феодальному землевла-
дѣнію. Соціалисту же революціонеру кажется—новый завѣтъ въ
сущности не важенъ, достаточно хорошъ и Старый, ибо Ветхій
днями опредѣленно указалъ Аврааму аграрную программу соці-

1) Тютчевъ.

алистовъ-революціонеровъ:—«всю землю, которую ты видишь тебѣ дамъ я и потомству твоему навѣки» (Книга Бытія, глава 12)

Ленину нужно указать, что крестьяне не могли еще сознаніемъ дойти до Новаго Завѣта и не вышли еще изъ стараго, а соціалистамъ-революціонерамъ разъяснить, что крестьянство, выходя тѣломъ изъ феодально-сословнаго строя, еще не ушло изъ него головою: идетъ верблюдъ по степи впередъ и несетъ на горбу ковчегъ съ ветхимъ завѣтомъ... И вотъ на этомъ завѣтѣ допотопной націонализаціи соціалисты революціонеры и хотятъ воздвигнуть свой храмъ. Алтаремъ его — соціализація—уравнительное для всѣхъ землепользованіе. Соблазненный ею поселянинъ немедленно теряетъ навсегда вкусъ къ собственности и поддерживаетъ свой исконный взглядъ на націонализацію. Программа съ двойной страховкой: соціализація влечетъ за собою націонализацію и, обратно, только при общей націонализаціи, при отмѣнѣ всей собственности на землю, она становится возможной во всероссійскомъ масштабѣ. Что націонализація вытекаетъ не изъ соціализма, а математически, вѣрнѣе метафизически, мыслится, какъ условіе уравнительнаго землепользованія, о томъ совершенно ясно говоритъ нынѣшній товарищъ министра земледѣлія, с.-р. Вихляевъ въ брошюрѣ «Какъ уравнять пользованіе землею». «Право частной собственности на землю, приложенное къ землѣ само по себѣ, не допускаетъ уравнительности въ пользованіи землею. Изъ присвоенія земли въ собственность отдѣльными лицами создается неравенство въ пользованіи землею. Уравнительность въ землепользованіи не можетъ быть достигнута покамѣстъ существуетъ право частной собственности на землю».

Совершенно такъ же смотритъ на дѣло и глава соціалистовъ-революціонеровъ В. М. Черновъ. Чтобы сбылся, говорилъ онъ, на всероссійскомъ съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ, «волшебный сонъ народа»[1]), чтобъ «не кустарно, а во всероссійскомъ масштабѣ» было проведено уравнительное землепользованіе, нужно повсюду

[1]) Цитаты изъ „Дѣла Народа“ № 52 и 56.

всей землѣ Русской «снять рогатки» и «заборы частной собвенности». Глобусъ земного шара, въ своей шестой части, предавленной Россіей, долженъ быть обмытъ отъ грязи собственно-и, съ помощью губки національзаціи. Кто бы не воздвигнулъ рогатки—помѣщикъ ли, бывшій общинникъ, хуторянинъ, подорникъ, казакъ, крестьянинъ частновладѣлецъ, все равно, заборы должны быть сняты и уничтожены. Только разгороженная емля можетъ разкрѣпостится и только тогда осуществится, заявляетъ Черновъ, «вольный трудъ на вольной землѣ». Заборы обственности являются препятствіемъ проведенія въ жизнь всероссійской трудовой мѣрки уравнительнаго землепользованія динаковой для всѣхъ». В. М. Черновъ и П. А. Вихляевъ ребуютъ, чтобы заборы собственности не мѣшали имъ, когда въ идѣ библейскаго Духа Божьяго, они полетятъ надъ хаосомъ оссіи, превращая его въ Космосъ соціализаціи, т.-е., утверждая ршиномъ всеобщую уравнительность, измѣряя, взвѣшивая, отмѣивая, оцѣнивая, въ одномъ мѣстѣ прибавляя, въ другомъ урѣывая, здѣсь прикладывая кусочекъ, а тамъ, что «сверхъ поло-кенной мѣрки», отчуждая. По земельному закону с.-р. «въ мѣстостяхъ, съ господствующимъ подворнымъ хозяйствомъ, прежніе подворные владѣльцы превращаются въ подворныхъ пользователей», а по всей Россіи «за прежними владѣльцами и пользователями—отдѣльными лицами, товариществами, общинами и артелями» земли остаются въ размѣрѣ не превышающемъ трудовую норму...

Насколько можно судить, хлопоты со всероссійской мѣркой не вызываютъ въ странѣ особаго восхищенія Украинцы уже отвѣтили на нихъ постановленіемъ 1-го іюня. Вся земля на Украйнѣ только украинцамъ и въ украинскій земельный фондъ. 15-го іюня сказалъ свое слово всероссійскій казачій съѣздъ. Земли казачьихъ войскъ составляютъ неприкосновенную собственность каждаго казачьяго войска и сюда, покорнѣйше просятъ не подходить съ аршиномъ уравнительнаго передѣла. Въ томъ же духѣ отвѣтятъ

литовцы, латыши, эстонцы, мусульманскія народности и у... отвѣчаютъ хуторяне и крестьяне-владѣльцы купчихъ земель.

Созданіе вольной земли, не столь просто, какъ казалось почтеннымъ гражданамъ Чернову и Вихляеву. И понятно. Россія, при ближайшемъ осмотрѣ оказывается уже не прежней, никому не принадлежащей степью, той «ничьей» землей, которую описывалъ митрополитъ Пименъ въ концѣ XIV вѣка: «ни града, ни села, пустошь все и не населено; нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество». Намъ понятна мечта В. М. Чернова и П. А. Вихляева снять заборы со всей великой равнины, чтобы промчаться повсюду на славной русской тройкѣ, безпрепятственно утверждая великорусскую общинную соціализацію по одинаковой для всѣхъ мѣркѣ. «Какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды». Чичиковъ съ Селифаномъ ее тоже любили. «Ей, потрогивай!» сказалъ Чичиковъ Селифану и тройка полетѣла.

«Эхъ, тройка, птица тройка, кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи.... Русь, куда жъ несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ.... Летитъ мимо все, что есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.... Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ—и вотъ она понеслась, понеслась, понеслась».

И никуда не пріѣхала. «На порогѣ сидитъ старуха, а передъ нею разбитое корыто». Разгороженные фантазіей заборы, усмѣхаясь, возвышаются попрежнему и перескочить черезъ нихъ не можетъ даже буйная русская тройка, управляемая В. М. Черновымъ и П. А. Вихляевымъ. Вотъ заборъ Полтавской

губерніи, Кіевской, Волынской и вообще «украинскій». Вотъ земельный заборъ Кубанскаго казачества, Терскаго, Донского. Внутри широкихъ областныхъ загородей, обнаруженныхъ лишь въ двѣ послѣднихъ недѣли, расположены сотни тысячъ, милліоны мелкихъ заборовъ, укрѣпившихся общинновладѣльцевъ, хуторянъ, трудовыхъ частновладѣльцевъ и, когда на тройкѣ будутъ подлетать къ нимъ съ уравнительной мѣркой, изъ-за заборовъ — чего добраго, выглянетъ ружье и топоръ. Не трогайте эту землю. Это недомысліе, а не рѣшеніе земельнаго вопроса! Случится та же исторія, что съ гоголевскимъ героемъ. «Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился только тогда, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда ужъ рѣшительно некуда было ѣхать». Пропагандисты уравнительнаго передѣла должны помнить, что можно сильно попортить не только оглобли, но и бричку русской революціи. И не хвалитесь, что ее, какъ гоголевскую таратайку «наскоро живьемъ», однимъ топоромъ да долотомъ «снарядилъ» и собралъ «ярославскій мужичекъ». Именно потому, что она собрана слишкомъ ужъ наскоро, однимъ топоромъ, да еще во время войны — ѣхать на ней нужно осторожно.

Изъ газетъ, изъ безконечнаго количества объявленій, каждый грамотный человѣкъ можетъ узнать, какъ растутъ повсемѣстно союзы земельныхъ собственниковъ, включающихъ въ свои ряды хуторянъ и крестьянъ мелкихъ владѣльцевъ. Это дѣлаетъ аграрная програма «некустарно», провозглашенная Черновымъ и его послѣдователями. Вмѣсто того, чтобъ заставить мелкаго собственника радоваться политическому освобожденію страны и, въ худшемъ случаѣ, оставить его совершенно нейтральнымъ къ аграрной реформѣ, революція, поскольку лозунгомъ ея, оффиціально, съ высоты эсъ-эровскаго министерства — выставляется уравнительная мѣрка и отмѣна всякой частной собственности на землю — бросаетъ мелкаго собственника въ объятія крупнаго помѣщика. И мы уже видѣли, какъ на всероссійскомъ съѣздѣ земельныхъ собственниковъ въ Москвѣ, отрубщики и хуторяне Воеводины дѣлались

«товарищами» графа Меллера-Закомельскаго, графа Ольсуфьева, князя Крапоткина, графа Уварова, графа Апраксина, октябриста Дмитрюкова, Гурко и т. д., и хоромъ кричали: «долой Чернова».

Безсильный и ничтожный по численности крупный землевладѣлецъ, ловкимъ шахматнымъ ходомъ, съ помощью с.-р. получаетъ себѣ на подмогу очень значительную деревенскую силу, притомъ озлобленную, если припять во вниманіе, что на мѣстахъ крестьяне насильно тащутъ въ общину выдѣлившихся отрубщиковъ и грозятъ хозяйствамъ хуторянъ. «Революціонеры», закрывая глаза, работаютъ на мельницу контръ-революціи и мы обязаны именемъ интересовъ русской свободы крикнуть на нихъ. Поймите, что допотопный взглядъ на землю не можетъ быть руководящимъ принципомъ аграрной программы, да еще на основахъ пресловутой уравнительности землепользованія!

Въ чемъ оно заключается?

* * *

Суммируя необходимыя данныя для опредѣленія сущности и аппарата уравнительнаго землепользованія, мы получаемъ слѣдующую картину. Согласно «праву на землю», признаваемой ничьей и общимъ достояніемъ, всѣ граждане и грежданки Россіи имѣютъ неотъемлемое право получить въ пользованіе участокъ земли изъ общенароднаго фонда. Размѣръ участка опредѣляется двумя мѣрками — минимальной и максимальной, нормой потребительной и трудовой.

Потребительная норма, по указанію П. А. Вихляева, предоставляетъ въ пользованіе крестьянской семьи «такое количество земли, обработкой которой способами обычными для данной мѣстности, могутъ быть покрыты наиболѣе настоятельныя потребности этой семьи». Проектъ соціалистовъ-революціонеровъ, внесенный во вторую Государственную Думу, дополняетъ опредѣленіе Вихляева необходимостью принять во вниманіе «гигіеническій минимумъ личныхъ потребностей и основныхъ расходовъ на поддержаніе и развитіе хозяйства» (по расчету на одну душу населенія).

Трудовая норма или максимальная очерчиваетъ земельную площадь, могущую быть обработанной только силами крестьянской семьи, не прибѣгая къ помощи наемнаго труда. «Максимальная норма служитъ предѣломъ для отрѣзокъ земли у многоземельныхъ пользователей». Послѣ учета населенія, числа соискателей земли и ея доходности, устанавливается всероссійская трудовая мѣрка для всѣхъ одинаковаго уравнительнаго землепользованія, та «средняя или обще-гражданская норма, которая служитъ для дальнѣйшаго регулированія уравнительности землепользованія». По этой мѣркѣ ножницами соотвѣтствующаго аппарата выкраиваются и перекраиваются хозяйства Россіи.

Такъ какъ люди рождаются и умираютъ, такъ какъ составы рабочихъ семей, осуществляющихъ уравнительное землепользованіе измѣняются, такъ какъ количество ѣдоковъ, опредѣляющее потребности семьи также мѣняется, то поддержаніе уравнительности на уровнѣ «общегражданской мѣрки» требуетъ вѣчныхъ разверстокъ и переверстокъ, превращающихъ Россію въ какой-то сплошной и судорожный муравейникъ вѣчныхъ «свалокъ-навалокъ». Кѣмъ осуществляется уравнительность? Іерархіей учрежденій изъ общины, уѣздной самоуправляющейся единицы и болѣе высшихъ инстанцій.

«Общимъ *уравнительнымъ* распредѣленіемъ земли, между лицами, семьями и группами ихъ завѣдуетъ низшая инстанція мѣстнаго самоуправленія подъ контролемъ высшихъ инстанцій и при соблюденіи общихъ нормъ земельнаго закона». «*Уравнительность* землепользованія между отдѣльными общинами или другими территоріальными самоуправляющимися единицами устанавливаютъ по принадлежности соотвѣтственные органы мѣстнаго самоуправленія и высшая государственная власть» (пункты *в* и *д* параграфа 9-го проекта земельнаго закона с.-р.).

Я совершенно неслучайно для характеристики представленныхъ операцій употребилъ терминъ «свалки-навалки», коимъ въ царское время старая великорусская община называла частные передѣлы надѣловъ земли. Характеризуя механику уравнительнаго

землепользованія, приходится, дѣйствительно, все время прибѣгать, какъ признаетъ и Н. А. Вихляевъ, къ сравненіямъ, взятымъ изъ практики общинной жизни. Иначе и быть не можетъ, ибо уравнительное землепользованіе и вѣчно работающій аппаратъ «свалокъ-навалокъ», осуществляющій этотъ идеалъ — есть не что иное, какъ прикрашенная старая община съ ея передѣлами и поравненіями.

Въ программѣ соціалистовъ-революціонеровъ мы видимъ результатъ чрезвычайно интереснаго для соціолога понятнаго хода мысли, идущаго на всѣхъ парахъ въ прошлое и въ немъ упорно ищущаго учрежденій, навыковъ и взглядовъ, чтобы съ ихъ помощью создать идеальное земельное устройство для настоящаго времени. Здѣсь тотъ самый процессъ мысли, который заставлялъ Герцена утверждать, что въ нашемъ древнемъ быту есть нѣчто, что «можетъ имѣть притязанія на общественное устройство несравненно выше западнаго». Это тотъ національный типъ мысли, который иллюстрировалъ Достоевскій, въ націоналистическомъ упоеніи заявлявшій, что «нашъ армякъ твердое и незыблемое зданіе, носящее въ себѣ истинную идею». Это глубоко національное теченіе мысли, которое виднѣйшаго теоретика соціалистовъ революціонеровъ К. Кочаровскаго заставляло еще въ 1905 г. настаивать на томъ, что отгороженное стѣною крѣпостного государства отъ культуры Европы, русское крестьянство сохранило черты чрезвычайно «высокаго по типу» древняго общественнаго быта.

Я назвалъ бы такое направленіе революціоннымъ старообрядчествомъ. Изъ прошлаго наши старообрядцы берутъ мысли, что земля вольная и ничья. Изъ прошлаго берется государева націонализація и крѣпостная соціализація, т.-е. общинно передѣльный институтъ. Груды хлама вытаскиваются, пріукрашиваются и слегка подмазанныя краской европейской фразеологіи, выставляются, какъ послѣднее слово аграрной мудрости, какъ послѣднее достиженіе соціальной мысли, какъ удивительная невиданная еще въ мірѣ восточная постройка, долженствующая произвести на Европу потрясающее впечатлѣніе. «Съ Востока свѣтъ».

Старая община еле дышитъ и на могилѣ ея уже лежитъ камень; -р. отпихиваютъ камень—Лазарь возстань! Ни латыши, ни ли-вцы, ни области подворнаго владѣнія не знали ни свалокъ-ивалокъ, ни подушнаго равненія земли. Черновы и Вихляевы, ікъ истые баяны державія великорусской народности, въ шо-іхъ аграрнаго націонализма, ограниченнаго, какъ всякій на-онализмъ, съ этимъ не желаютъ считаться. Черновъ полагаетъ, 'о латышъ «понемногу привыкнетъ къ земельнымъ отношеніямъ, эедлагаемымъ ему русскимъ крестьяниномъ», а Вихляевъ въ вѣтъ на вопросъ лишь досадливо отмахивается: — «едва ли ожно ожидать серьезнаго препятствія къ проведенію «права на млю» со стороны населенія подворной Россіи». Они не терпятъ' ікъ заявилъ Черновъ, «пестроты» земельныхъ отношеній и съ істо больнымъ упорствомъ желаютъ распространить на всю Рос-ю имъ родной Тамбовско-Саратовскій укладъ.

«У насъ (говорилъ Черновъ на всероссійскомъ съѣздѣ пред-авителей крестьянъ) и частная собственность и полусобствен-ость, надѣльное распоряженіе землею и общинное, есть отруба, утора... Такая пестрота, что нигдѣ и концовъ не сыщешь. Но-ый земельный порядокъ въ новой Россіи не можетъ быть та-имъ. Онъ долженъ быть пронизанъ однимъ началомъ» (рѣчь эрнова, см. «Дѣло народа» № 52). Чтобъ «пронзить» Россію инымъ началомъ, коллега Чернова с.-р. Быховскій не останавли-ется предъ созданіемъ общинъ «изъ отрубщиковъ и хуторянъ» предлагаетъ принять мѣры для «добровольнаго возвращенія» ышедшихъ изъ общины. Пусть читатель судитъ насколько добро-ольный характеръ можетъ носить подобное возвращеніе, разъ ю будетъ производиться подъ угрозой возвращенія излишковъ мли. Узости справа соотвѣтствуетъ узость слѣва. На правой оронѣ, въ лицѣ съѣзда земельныхъ собственниковъ — требуютъ олько хуторовъ и отрубовъ, на лѣвой сторонѣ только общины, іди которой надворникъ долженъ превратиться въ пользователя вообще исчезнуть «всякая пестрота».

Прежде чѣмъ говорить, община въ прошломъ совсѣмъ не была

здоровымъ соціальнымъ институтомъ и доказывать, что ея аппаратъ, даже исправленный русскими механиками—идеальнаго трудового хозяйства (кое-чему поучившихся у заграничной фирмы Давида и Герцъ) все же не годится для нашего времени, мы должны отмѣтить одно важное положеніе.

Нѣтъ абсолютно ничего неожиданнаго въ томъ, что въ общинѣ увидѣли якорь аграрнаго спасенія. Не въ томъ вопросъ, что общинныя начала выдвигаютъ на переднюю арену, стремясь превратить всю Россію въ уравнительный общинный аппаратъ. А въ томъ, почему этого не могутъ не дѣлать. И не въ томъ дѣло, что въ центрѣ аграрной программы они ставятъ общиннаго Лазаря, а въ томъ, что они не могутъ его не ставить.

Соціалисты-революціонеры не общественные парвеню, не люди безъ племени и рода, а національное теченіе мысли, связанное глубочайшими корнями съ исторіей и культурою страны. Ихъ аграрная программа могла родиться лишь съ тѣмъ содержаніемъ, съ какимъ родилась. Вѣдь въ природѣ вещей, говорилъ еще старикъ Спиноза, нѣтъ ничего случайнаго, а все опредѣлено закономѣрностью, «къ существованію и дѣйствованію извѣстнымъ образомъ». Когда они говорятъ допотопнымъ языкомъ допотопныя мысли о «ничьей» землѣ, когда они носятся съ поравненіемъ, когда они украшаютъ цвѣточками краснорѣчія мощи общины — это не они говорятъ и не они дѣйствуютъ. За нихъ говоритъ и дѣйствуетъ старая великорусская національная Самость и соціалисты-революціонеры лишь ея маленькое революціонное проявленіе. Объяснимся.

Тому, кто изучалъ русскую исторію, исторію русской общественной мысли и русскую культуру, должно быть ясно, что наличность особаго высокомѣрія, по происхожденію своихъ чертъ византійско-азіатскаго характера, издавна характеризовала московскій великорусскій національзмъ (великорусская народность собрана Москвою и ею идейно воспитана). Житель Московскаго государства въ качествѣ православнаго, владѣющаго всей полнотой вселенской истины, усвоенной отъ святыхъ отцовъ восточной

церкви, всегда съ презрѣніемъ смотрѣлъ на инакомыслящихъ-лжехристіанъ; нечестивыхъ католиковъ и богомерзкихъ лютеранъ европейскаго запада.

Прошлое не просто проходитъ, а часто видоизмѣняется. Старыя чувства могутъ брызгать на разстояніи столѣтій и уже неоднократно бывало въ исторіи такъ, что люди въ новыхъ костюмахъ разыгрывали старыя и прескверныя политическія дѣйствія. Форма быстро мѣняется, но культурный—историческій типъ чрезвычайно медленно. Въ первой половинѣ 19-го столѣтія византійское высокомѣріе питая и самодержавіе, и славянофильство, разразилось безбрежными бреднями о міровой миссіи Россіи и томъ «новомъ словѣ», которое броситъ «святая Русь» сгнившей европейской цивилизаціи. Это то, о чемъ въ 1914—1916 г. свистѣли наши византійскіе соловьи, въ лицѣ князя Е. Трубецкого, Булгакова, П. Струве, московскаго религіознаго общества и чему подсвистывала почти вся буржуазная печать.

Дирижируемое гордыней, славянофильство бросилось отыскивать въ русскомъ быту отличительные признаки, способные на ряду съ православіемъ, вознести Россію надъ западно-европейскимъ соціально-политическимъ строемъ. Тогда была «найдена» община, почти исчезнувшая на Западѣ, зато какъ издѣвался Чаадаевъ, процвѣтавшая въ Абиссиніи. Нашелъ ее Константинъ Аксаковъ, но извлеченіе драгоцѣннаго археологическаго клада, конечно, не могло обойтись безъ помощи нѣмца—прусскаго реакціонера барона Гакстгаузена, путешествовавшаго по Россіи. Гакстгаузенъ, въ своихъ сочиненіяхъ (1847—1852 гг.) всемірно прославилъ русскую общину, изобразивъ ее, съ одной стороны, въ видѣ оплота отъ соціалистической заразы и пролетаризаціи крестьянства, а съ другой стороны, какъ оригинальное самоуправленіе, широко допускающее, любезный Гакстгаузену, деспотизмъ.

Съ тѣхъ поръ община буквально, ни на минуту, не выходила изъ предѣловъ идейнаго горизонта и самодержавія, и русской интеллигенціи, все время фигурируя какъ соціальная оригинальность, яко бы свидѣтельствующая о нашей самобытности. Въ

19 вѣкѣ она стала тѣмъ, чѣмъ была борода для русскихъ людей 17 вѣка, такъ какъ при свойственномъ русскимъ отчужденіи отъ иностранцевъ, всякое, даже такое несущественное отличіе какъ борода, пріобрѣтало особый вѣсъ, дѣлаясь въ ихъ глазахъ важнѣйшимъ признакомъ національности и душевной сущности. «Умрите за бороду»—восклицали старообрядцы; «умрите за общинное владѣніе»—завѣщалъ Чернышевскій. Въ церковной иконописи—борода, какъ внѣшній признакъ святости и богоугодности жизни, въ политической экономіи, соціологіи, политикѣ, государствѣ и быту—община, какъ признакъ высокаго строя соціальной жизни. Святость и община ставились въ одинъ рядъ и на одной доскѣ.

«Корень и основа Россіи, писалъ въ 1842 г. Хомяковъ,—Кремль, Кіевъ, Саровская пустынь и община сельская». «Отнимите общину—ничего не останется». «Община святѣйшій остатокъ старины, которому должна бы подражать и завидовать вся остальная Европа». И тѣми же религіозными глазами стотрѣлъ и Герценъ, окончательно осознавшій на Западѣ свое славянофильство. Въ «темную ночь Европы» онъ увидѣлъ, что соціальный свѣтъ «мерцаетъ отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика». «Право каждаго на землю, общинное владѣніе ею, мірское управленіе—на этихъ началахъ и только на нихъ можетъ развиваться будущая Русь». Насъ не разложилъ, утверждалъ Герценъ, ненавистный западно-европейскій шаблонъ развитія и «едва ли не придется намъ благословить чудскіе и туранскіе элементы, попризадержавшіе наше старославянское развитіе». Поэтому, да здравствуютъ печенѣги, половцы, лѣтописный «шелудивый ханъ Бонякъ», Золотая Орда, черемисы, мордва, калмыки, киргизы и т. д., такъ какъ безъ нихъ община уже бы погибла. А теперь она жива и «подумайте о результатѣ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми своими туранскими и чудскими примѣсями — лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ».

Въ пылу туранскаго мессіанизма, объ одномъ забылъ Герценъ:

для «переклички» нуженъ общій языкъ культуры и уровня соціальнаго развитія!

Община была иконой, подходя къ которой крестился—Кирѣевскій, Хомяковъ, Чернышевскій, Герценъ, Достоевскій, Кошелевъ, Леонтьевъ, Побѣдоносцевъ, Воронцовъ, Николай-онъ, Михайловскій, Ефименко... Крестилось самодержавіе, славянофилы, народники и даже многіе изъ такъ называемыхъ русскихъ западниковъ. Была разница въ жестахъ, въ словахъ, въ содержаніи моленій, но не характерѣ отношенія. Напомнимъ, когда Столыпинъ издалъ свои плохіе законы о выходѣ изъ общины, общественная мысль забилась въ истерическомъ трансѣ отъ совершеннаго кощунства. Она не сказала—«плохой законъ», а святотатственное «разрушеніе», посягательство на икону. Община—святыня. Леонтьевъ видѣлъ въ ней опору для священнаго византійско-азіатскаго самодержавія, Хомяковъ—сосудъ съ чистымъ христіанствомъ, Чернышевскій—сосудъ съ чистымъ соціализмомъ, Кочаровскій—вмѣстилище святости союзно-трудового налога.

Община была не простой иконой, а если хотите чудотворной, и именно среди тѣхъ, кто почитали себя крайними реалистами и ярыми атеистами. Подтверждалось то, что было извѣстно Алешѣ Карамазову: «въ реалистѣ вѣра не отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры». Съ удивительной тонкостью коснулся этихъ чудесъ Фридрихъ Энгельсъ въ извѣстныхъ замѣчаніяхъ о русской общинѣ, (1894 г.) Говоря о народовольцахъ, онъ писалъ: «вѣра въ чудодѣйственную силу общиннаго землевладѣнія, изъ нѣдръ которыхъ будто бы можетъ и должно явиться соціальное перерожденіе,—вѣра, отъ которой не былъ совсѣмъ свободенъ, какъ мы видѣли, и Чернышевскій—сдѣлала свое дѣло, поднявъ воодушевленіе и энергію героическихъ русскихъ борцовъ. Ихъ было едва нѣсколько сотъ человѣкъ, но своей самоотверженностью и отвагою они довели царскій обсолютизмъ до того, что онъ уже принужденъ былъ подумывать о возможности и объ условіяхъ капитуляціи. Такихъ людей мы не потянемъ въ судъ за то, что

они считали свой народъ избраннымъ народомъ соціальной революціи. Но это вовсе не обязываетъ насъ раздѣлять ихъ иллюзію».

Изъ рукъ въ руки, изъ поколѣнія въ поколѣніе передавался потиръ со святыми дарами и когда нынѣ вы слышите рѣчи объ общинѣ Чернова, Вихляева, Быховскаго и тысячи тысячъ юныхъ ничего и въ то же время все знающихъ эсъ-эровъ—до чего все это старо, знакомо и избито!

«Люди сами дѣлаютъ свою исторію, но они дѣлаютъ ее не произвольно, не при свободно избранныхъ, а при непосредственно данныхъ унаслѣдованныхъ условіяхъ. Традиція всѣхъ умершихъ поколѣній, какъ кошмаръ, тяготѣетъ надъ мозгомъ живущихъ. И какъ разъ въ то время, когда люди стараются, повидимому, радикально преобразовать себя и окружающій строй, стараются создать нѣчто, никогда еще не существовавшее, какъ разъ въ такія эпохи революціонныхъ кризисовъ они озабоченно вызываютъ на помощь себѣ духовъ прошлаго, берутъ у нихъ имена, боевые пароли, костюмы, чтобъ въ освященномъ вѣками одѣяніи, этимъ заимствованнымъ у предковъ языкомъ разыграть новое дѣйствіе на всемірно исторической сценѣ» (Марксъ).

Подчиняясь умершимъ поколѣніямъ, соціалисты-революціонеры не могутъ не ставить въ центрѣ своей программы разныя принадлежности общиннаго начала, ибо этого хочетъ воля всесильной религіозно-общественной традиціи, притягивающей какъ магнитъ всѣ самыя разнообразные національные элементы живущей въ Россіи интеллигенціи. Подпадая подъ вліяніе державной великорусской культуры, они невольно пріобщаются и къ ея общественно-религіознымъ цѣнностямъ. Вѣдь община была канонизирована. Ея исторію въ общественномъ сознаніи нужно писать рядомъ съ исторіей канонизаціи святыхъ. Потому-то такъ и трудно ея идеологическое преодолѣніе, что она предметъ вѣры,—вѣры не креста и молебна, а все же вѣры, а вѣра, даже величиной съ горчичное зерно, не сокрушается одной критикой.

Общину критиковали многіе западники первой формаціи, потомъ западники марксисты (вспомните блестящую полемику Пле-

ханова-Волгина), но вѣра оставалась равнодушной къ голосу доказательствъ и насъ нисколько не удивляетъ, когда, переѣзжая изъ старой Россіи—мощей, монастырей, Серафима Саровскаго, самодержавія и Григорія Распутина—соціалисты-революціонеры захватываютъ съ собой въ новое зданіе Россіи и старый почернѣвшій образъ святой общины великомученицы. Чему тутъ удивляться? Религіозный человѣкъ, переставая вѣрить, сдаетъ икону въ Румянцевскій или Историческій музей, продолжающій вѣрить—вѣшаетъ ее въ уголъ и продолжаетъ креститься. А какъ не креститься соціалистамъ-революціонерамъ, когда въ своемъ атеизмѣ они истинно православные люди.

Подойдемъ къ образу безъ религіозной мысли и посмотримъ, что онъ долженъ изображать.

Если взять общинно-передѣльную механику такъ, какъ она имѣла мѣсто въ реальной жизни, то увидимъ слѣдующее. Въ странѣ почти не существовало промышленнаго капитализма, земледѣльческое населеніе имѣлось въ избыточномъ числѣ, подсобные заработки были ничтожны. Тамъ, гдѣ проявлялось совокупность указанныхъ условій, община, связанная въ интересахъ фиска круговой порукой, стремилась къ уравненію землепользованія, дробя землю по голоднымъ ртамъ и числу работниковъ, чтобъ каждый имѣлъ кусочекъ и каждый платилъ подати. То было уравненіе въ недоѣданіи, осуществленіе принципа—«пусть у тебя будетъ также мало какъ у меня», своеобразная «соціализація» въ осажденной голодающей крѣпости, справедливо распредѣляющей по микроскопическимъ кусочкамъ мясо павшей лошади. А что дѣло происходило именно такъ, читатель можетъ справиться у псалмопѣвца общины К. Кочаровскаго, указывавшаго, что общинная масса «объединилась, такъ сказать, въ обѣдненіи» и жаждала выхода изъ положенія съ помощью самыхъ ужасныхъ способовъ. Въ 1902 г., сообщаетъ тотъ же Кочаровскій, среди крестьянъ была мысль—«хоть война бы». «Что вы, Христосъ съ вами!» «Все бы народу попросторнѣе было» (Народное Право, стр. 24).

Мнѣ думается болѣе сильной характеристики реальной обстановки уравнительнаго землепользованія привести невозможно. Земледѣльческая страна шла даже на харакири, на разстрѣлъ своихъ дѣтей, какой-нибудь промышленной страной, лишь бы разрѣдить избытокъ населенія. У промышленности, однако, есть пути уничтожить избыточное населеніе не только съ помощью изготовленія орудій истребленія. Давая производительное занятіе свободнымъ рукамъ деревни, она выкачиваетъ ихъ нея лишнихъ работниковъ и, тѣмъ самымъ, убиваетъ уравнительное землепользованіе, уничтожая одну изъ вызывающихъ его главныхъ причинъ. Уравнительное землепользованіе, вѣроятно, къ великому огорченію поклонниковъ общины, никогда не осуществлялось полностью. Къ нашему счастью, страна все-таки жила, а не только сгнивала. Развитіе хозяйственной жизни и промышленности ломало общинную нивеллировку, дифференцируя общину на группы различнаго достатка, въ зависимости отъ наличности рабочей силы, инвентаря, его качества, количества лошадей, личной годности и навыковъ хозяйствующихъ особей. Передѣльная машина, великолѣпно дѣйствовавшая въ нищенской хозяйственной пустотѣ, переставала работать, какъ только хотъ немного появлялись элементы экономическаго прогресса. Достаточно указать на унавоживаніе. Навозъ, писалъ какъ-то Давидъ, «душа земледѣлія». Безъ удобренія интенсивное земледѣліе невозможно. Возможно лишь кочующее переложное хозяйство на «ничьей» землѣ. А между тѣмъ, какъ только общины начинали производить неизбѣжное унавоживаніе, въ нихъ почти немедленно переставалъ дѣйствовать передѣльный аппаратъ. Прогрессъ убивалъ нищенское равенство и вмѣстѣ съ прогрессомъ падала и уравнительность, и вводящій ее передѣлъ.

Если такъ, то зачѣмъ въ программѣ соціалистовъ-революціонеровъ введенъ передѣльный, уравнительный институтъ, который по замыслу соціалистовъ-революціонеровъ, въ видѣ постояннаго явленія долженъ поддерживаться земельнымъ закономъ въ лицѣ опредѣленныхъ учрежденій?

Отвѣтъ уже данъ. Религіозное отношеніе къ общинѣ создавало у общественной мысли представленіе о нѣкоторыхъ абсолютныхъ, внѣвременныхъ, категорическихъ цѣнностяхъ, ей именно присущихъ. Идея уравнительнаго передѣла представлялась какъ великая идея осуществленія равенства. Въ грязной, рваной, голодной и невѣжественной русской общинѣ, къ удивленію всего міра, яко бы осуществлялась та идея союзности, общности, братства и равенства, о которой гордый своей культурой Западъ говорилъ какъ о своей конечной цѣли, будучи, однако, неспособнымъ, какъ утверждалъ Герценъ, ее достигнуть.

Въ упоеніи находкой общественная мысль не догадывалась, что такое равенство Европа знала и позабыла. Послушайте, напримѣръ, описаніе древнихъ общинныхъ порядковъ въ Германіи, сдѣланное Полемъ Кампфмейеромъ. «Основаніемъ прежняго крестьянскаго хозяйства была общинная собственность. Первоначально крестьяне дѣлили землю, выдѣленную изъ общинной собственности по возможности *равномѣрно*. Каждый полноправный крестьянинъ получалъ *равный участокъ* на хорошей средней и дурной землѣ. Поэтому, еще до нашего времени сохранилось это необычайное раздробленіе хозяйственно обрабатываемой почвы».

Какъ видите уравнительное землепользованіе со всѣми его слѣдами—разбросанностью клочковъ земли (у насъ тѣ же результаты) явленіе, знакомое не только нашей богоспасаемой странѣ; и всетаки у насъ оно было понято, какъ явленіе исключительное, въ силу именно нашей богоспасаемости.

Славянофилы, и мы за это ихъ глубоко цѣнимъ, будучи болѣе послѣдовательными, чѣмъ Герценъ, Чернышевскій и народники всѣхъ видовъ и формацій, объясняли русское равенство земельнаго уравненія, какъ результатъ воздѣйствія сверхъ-естественныхъ силъ и предписаній. Община—міръ людей православныхъ, а православіе, не въ примѣръ западнымъ религіямъ, чистое христіанство. Оно не искаженно, прямо изъ византійской купели, восприняло истины восточной церкви и, овладѣвъ душой русскаго поселянина, заставляетъ сгруживаться въ христіанскую

общину и претворять въ жизни завѣты Христа о равенствѣ и братствѣ: «Возлюбите ближняго какъ самого себя, у кого двѣ одежды, тотъ дай неимущему, у кого есть пища, дѣлай то же». (Еванг. Луки).

Такимъ образомъ, великорусскіе передѣлы, устанавливавшіе яко бы великую идею равенства, существовали, дѣйствовали по мнѣнію славянофиловъ, только потому, что налицо былъ историческій паръ чистаго православнаго христіанства, предписывавшаго равенство и братство. Европа, несмотря на высшій типъ культуры, не могла осуществить идеи равенства; въ качествѣ великой грѣшницы, не удостоенной благодати небесныхъ силъ (заступниковъ и чудотворцевъ россійскихъ), она была лишена православія, основной духовной сути, диктовавшей въ русской поземельной общинѣ идею равенства.

Утверждаемъ, что таковъ, и только таковъ, тотъ историческій идейный фонъ, на которомъ мы должны разсматривать религіозное отношеніе русской интеллигенціи къ уравнительному землепользованію, нашедшее свое отраженіе въ 1917 г. въ программѣ соціалистовъ-революціонеровъ.

Свою полную связь съ только что обрисованнымъ ходомъ исторической мысли, соціалисты революціонеры, безконечно ярко, изобличаютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что называютъ вылѣпливаемое, по старому образу и подобію, уравнительное землепользованіе «соціализаціей», и подобно «Землѣ и Волѣ» (№ отъ 24 іюня) докладываютъ, что «соціализація закрываетъ всѣ пути назадъ къ буржуазному строю и оставляетъ только одинъ путь впередъ— къ соціализму».

Для славянофиловъ земельное поравненіе было равенствомъ во имя Христа, для соціалистовъ-революціонеровъ—равенствомъ во имя соціализма, хотя никакимъ соціализмомъ здѣсь даже и не пахнетъ. Христа славянофиловъ они замѣняютъ Христомъ «соціализаціи», но націальность его и типъ отъ того не мѣняется. Это тотъ же русскій Христосъ, лишь живущій на 60 лѣтъ позднѣе. И если Іисусъ изъ Назарета насытилъ 5 хлѣбами пять ты-

сячъ человѣкъ, «кромѣ женщинъ и дѣтей», то Христосъ—Мессія соціализаціи насытитъ до полнаго довольства 120 милліоновъ русскаго народа. Здѣсь вѣра, настоящая, крѣпкая, простонародная вѣра, – какъ же не голосовать за С. Р. русскому народу! И правъ тотъ газетный репортеръ, который, характеризуя «стихійную побѣду» на городскихъ выборахъ Москвы въ сущности земельной программы соц.-революціонеровъ, обмолвился выраженіемъ, что избиратели списка № 3 шли къ избирательной урнѣ, какъ церковному причастію... Такъ оно и было...

* * *

Чтобъ построить соціализацію, говорятъ с.-р., нужно взять великую идею уравнительности, какъ соціалистическую идею равенства и как алтарь окружить соотвѣтственными притворами. Земельная реформа, вдохновляемая идеей уравнительности, должна дать крестьянину земельный участокъ въ предѣлахъ отъ потребительной до трудовой нормы.

Поистинѣ можно впасть въ оцѣпененіе, видя съ какимъ реакціоннымъ упорствомъ ухватываются соціалисты-революціонеры за старые образцы! Старая община производила разверстку или по наличнымъ душамъ-ртамъ и ѣдокамъ и это была потребительная норма, или по работникамъ, по рабочему составу семей, по нормѣ трудовой. Спрашивается, что можно взять изъ потребительной нормы—стараго примитивнаго обычая, чтобы возвысить его до степени организаціоннаго принципа аграрной программы, до степени государственнаго принципа, способнаго руководить при надѣленіи крестьянства землею? Ничего. Также ничего, какъ изъ идеи, что земля ничья.

Потребительная норма была бы нормой, если бы мы могли опредѣлить ею соотвѣтствующій земельный участокъ надѣленія. Его очертить, исходя изъ потребительной нормы, не могутъ никакія изощренія, даже самого министра, статистика Н. А. Вихляева. Искомый участокъ долженъ быть такого размѣра, чтобы обезпечить крестьянской семьѣ необходимое количество земледѣльческихъ продуктовъ и дать нѣкоторый излишекъ продуктовъ.

продажей удовлетворяющій «настоятельныя потребности» семьи. Если земельный участокъ, подлежащій опредѣленію, назовемъ черезъ иксъ, а нужды, настоятельныя потребности, его опредѣляющія, черезъ игрекъ, то иксъ можно опредѣлить лишь только въ томъ случаѣ, когда извѣстенъ игрекъ. Игрекъ же, олицетворяющій собою различныя современныя нужды, распадается на рядъ неизвѣстныхъ величинъ. Крестьянинъ, носящій лапти, потребляющій мясо два раза въ годъ, на Пасху и Рождество, помѣщающійся вмѣстѣ съ теленкомъ въ одной избѣ, имѣющій одну рубашку на смѣну— дастъ намъ одну величину настоятельныхъ потребностей. Другую величину мы найдемъ у крестьянина въ сапогахъ, обладателя жнейки и сѣнокосилки, избы съ изразцовой печью и даже граммофона.

Какую наличность потребностей нужно принять за норму? Меньшую, большую или нѣкоторую среднюю? Скажутъ среднюю, но это не звучитъ опредѣленно: среднія потребности различны не только въ предѣлахъ государства, но даже и въ предѣлахъ уѣздовъ. Крестьяне, удаленные на 80—100 верстъ отъ большого города, имѣютъ болѣе низкій уровень потребностей, чѣмъ жители близкіе къ культурѣ города. На потребности вліяетъ близость желѣзной дороги, близость рынка и даже состояніе міроваго рынка, и десятки другихъ причинъ. При этихъ условіяхъ было бы безуміемъ вырабатывать какую-то среднюю душевую норму, какъ предлагаетъ Вихляевъ. Названная въ земельномъ законѣ соціалистовъ-революціонеровъ «средней или обще-гражданской нормой», она производила бы къ неизбѣжному равненію всѣхъ въ сторону минимума потребностей, а не максимума. Весьма естественная для старой общины, равнявшей на почвѣ обнищанія, она абсолютно непріемлема для соціалистическаго сознанія, утверждающаго строй, гдѣ не минимумъ потребностей является идеаломъ, а максимумъ, гдѣ максимумъ и разнообразіе потребностей обслуживается максимумомъ способовъ удовлетворенія.

Отставляя въ сторонѣ эту точку зрѣнія, слишкомъ уже далекую отъ «общиннаго начала», мы подчеркиваемъ еще разъ, что

величины, съ помощью которыхъ хотятъ опредѣлить размѣръ
ребительной нормы, въ сущности, совершенно неизвѣстны.
нственно, къ чему можно подойти, какъ къ величинѣ научно
едѣляемой—это количество земледѣльческихъ продуктовъ, не-
одимыхъ въ точномъ смыслѣ слова для крестьянской семьи.
то физiологическимъ методомъ можно вычислить количество
ковыхъ веществъ, жировыхъ, углеродовъ для поддержанiя
зни человѣка и возможности работы, затѣмъ подсчитать, ка-
количество ржи, картофеля, проса и т. д. обезпечитъ подоб-
й минимумъ и, переводя на единицы измѣренiя, получить
ребительную норму.

Іодходъ къ вопросу не отличался бы отъ вычисленiя кормо-
ъ рацiоновъ сѣна, свеклы и жмыховъ для коровъ при правиль-
ъ веденiи молочнаго хозяйства. Мы получили бы пищевую,
нѣе какую-то стойловую точку зрѣнiя, но вѣдь, по существу,
словутая потребительная норма общины ничѣмъ принципiально
нея и не отличается. Больше того: потребительная норма хуже.
ля уравнительнымъ методомъ клочки земли по голоднымъ
камъ, она руководствовалась даже не методомъ достаточнаго
мового рацiона, а мыслью: «не до жиру—быть бы живу». Сколь-
бы не вертѣли въ рукахъ эту потребительную норму, никогда
удастся стереть съ нея Каиновы черты ея ужаснаго проис-
кденiя. И политическая экономiя народничества, оперирующая
этой нормой, не возвышается надъ нею даже настолько, на-
лько надъ пастбищнымъ кормленiемъ скота возвышается стой-
вое хозяйство...

Очевидно, смутное сознанiе грубости потребительной нормы
тавило авторовъ земельнаго закона соцiалистовъ революцiоне-
въ, придать ей болѣе утонченную форму. Физiологическiй ми-
мумъ замѣненъ кокетливымъ «гигiеническимъ минимумомъ», а
хляевскiя «настоятельныя потребности»—«нормальнымъ бюд-
томъ» съ принятiемъ во вниманiе расходовъ на поддержанiе
развитiе хозяйства. Авторы не учли только того, что однимъ
вечкомъ «развитiе» они опрокидываютъ все зданiе потребитель-

ной нормы, какъ нормы. Какія дѣйствительно потребности о
должна обслуживать? Потребности крестьянъ временъ самодерж
вія? Да ихъ уже нѣтъ, какъ чего-то зафиксированнаго и опр
дѣленнаго.

Война, родившая груды настоятельныхъ нуждъ, и бросивш
въ деревню невиданное количество возбудившихъ потребнос
кредитокъ, равно какъ революція, не оставили камня на кам
въ прежнемъ строѣ потребностей. Революція на то и революці
что она уничтожаетъ прежнія нормы, въ томъ числѣ и потреб
тельную. Крестьянинъ, возращающійся изъ революціонной ар
и города домой, а такихъ свыше десятка милліона, уже
крестьянинъ до войны. Потребности выросли до неузнаваемост
продолжаютъ расти и мы съ большимъ удовольствіемъ посмотрѣ
бы на мудреца, способнаго облечь развитіе потребностей
колпакъ какого-то «нормальнаго бюджета». Потребительная н
ма при данныхъ условіяхъ лишена почвы. Подъ нею динами
у нея нѣтъ грани и она увеличивается настолько, насколь
напримѣръ, растетъ государственный долгъ. Она резина, въ
нѣтъ ничего уравнительнаго. Надѣлять по потребительной нор
значитъ надѣлять по неопредѣлившимся потребностямъ, въ свя
съ нуждами расширяющимися и вообще въ революціонное вре
неизбѣжно ощущаемыми каждымъ крестьяниномъ въ расшир
номъ объемѣ.

Гдѣ же тогда предѣлъ, что можетъ остановить ростъ потр
ностей и сказать вотъ сколько надо земли? Прекрасную илл
страцію къ вопросу даетъ Левъ Толстой въ извѣстномъ разск
«Много ли человѣку земли нужно». У него идетъ рѣчь о тип
номъ русскомъ мужичкѣ Пахомѣ, узнавшемъ, что въ башк
скихъ степяхъ даромъ дается земля. «Бери, гдѣ полюбится, зем
много.... Сколько обойдешь въ день, то и твое». «Отхвачу, м
таетъ Пахомъ, Палестину большую. Верстъ пятьдесятъ обой
въ день. Въ 50 верстахъ земли-то что! Какую похуже—прода
или мужиковъ пущу, а любенькую отберу, самъ на ней ся
Плуга два быковъ заведу, человѣка два работниковъ принай

есятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану».

Пошелъ Пахомъ въ степь себѣ участокъ отмѣрять, идетъ и се норовитъ отхватить земли побольше. «Дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, кидать жалко». «Хотѣлъ ужъ загибать влѣво, да глядь лощинка подошла сырая, жаль бросать. Думаю ленъ тутъ хорошъ уродится». И шелъ такъ Пахомъ, загибалъ и вправо и влѣво, отдохнуть хочется, а нельзя. Уже бѣжитъ Пахомъ, а сердце молоткомъ бьется. Умереть отъ усталости боится, а остановиться не можетъ— столько земли отхватилъ и развѣ онъ можетъ съ нею разстаться! финалъ извѣстенъ: Пахомъ добѣжалъ и палъ мертвымъ....

Въ настоящее время, значительная часть Россіи изображаетъ собою взбаламученное море Пахомовъ. Каждый Пахомъ, даже давнымъ-давно живущій въ городѣ, хочетъ, «отхватить Палестину» побольше и многіе Пахомы при этомъ мечтаютъ какую похуже землю продать, а любенькую прибрать въ руки. Въ этихъ условіяхъ мысль метафизически начертать предѣлы отхватываемой «Палестины» какой-то потребительной нормой не только смѣшна, но просто абсурдна. О потребительной нормѣ можно говорить въ мирное время, а не революціонное; с.-р, не понимаютъ, что революція есть отмѣна нормы. При диктатурѣ крестьянства предѣлы земельнаго надѣленія будутъ продиктованы не идеей потребительной нормы, а объективными условіями, въ которыя упрется крестьянство: количествомъ земли въ данной мѣстности, количествомъ претендентовъ на нее, сопротивляемостью противниковъ реформы, соотношеніемъ силъ между Пахомами различныхъ деревень. О потребительной нормѣ никто даже и не вспомнитъ, она не будетъ фигурировать ни при стихійномъ рѣшеніи земельнаго вопроса, ни при попыткахъ планомѣрно организованнаго распредѣленія земли.

О нормѣ надѣленія (при томъ не потребительной) можно говорить лишь при переселеніяхъ, выселеніяхъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ земельнаго вопроса, какъ серьезнаго вопроса.

Абсурдная со всѣхъ сторонъ, потребительная норма соціали-стовъ-революціонеровъ особенно абсурдна, если подходить къ ней съ ихъ же програмой. У нихъ стоитъ: вся земля—трудовому земледѣльческому населенію. Значитъ—надѣлять будутъ не по потребительной нормѣ, не потому «сколько человѣку надо земли» а потому сколько ее придется на ѣдока или работника.

Рядомъ съ потребительной нормой у с.-р. фигурируетъ норм трудовая. Соціализація земли по этой нормѣ, мыслится как уравнительное надѣленіе земельнымъ участкомъ, обрабатываемым только силами данной семьи, не прибѣгая къ помощи наемна труда. Формула съ перваго взгляда кажется ясной и, во-всяком случаѣ, построенной на болѣе точныхъ и твердыхъ признакахъ чѣмъ расплывчатое надѣленіе по потребности. И все же пр первой попыткѣ ее развернуть, она, фатально, какъ все, чт относится къ аграрному идеалу иллюзій соціалистовъ-революціо неровъ оказывается безнадежно висящей въ воздухѣ.

Не мѣшаетъ здѣсь сказать, что и въ своей устной пропаганд и въ своихъ, газетахъ соціалисты-революціонеры за последне время усиленно фальсифицируютъ идею трудовой нормы. Съ не происходитъ то же, что съ идеей уравнительнаго землепользова нія. Уравнительное землепользованіе, какъ постоянный процесс и институтъ, опекаемый силою закона, начинаетъ терять сво крѣпкую соль, свою абсурдную опредѣленность и превращать въ истину, въ родѣ той, что лошади кушаютъ овесъ, а Вол впадаетъ въ Каспійское море. Уравнительное землепользован подмѣниваютъ актомъ «уравнительнаго распредѣленія земли попадающей въ руки крестьянства. Абсурдный принципъ пр вращается въ плоскій совѣтъ соблюдать при дѣлежѣ земли нѣк торое равенство и не создавать неправильно обдѣленныхъ. Така же подмѣна и съ потребительной нормой, глубокомысленно раз ясняемой въ томъ смыслѣ, что крестьянину нужна земля, чтоб удовлетворить потребности.

Очевидно то же желаніе стереть абсурдные углы програм заставляетъ фальсифицировать и сущность трудовой нормы.

вопросъ, что такое трудовая норма, сознательные и безсознательные фальсификаторы, убѣгающіе отъ своихъ программныхъ заявленій, опускаютъ глаза и неопредѣленно отвѣчаютъ: участокъ земли, обрабатываемый собственными силами крестьянской семьи. Но собственными силами не прибѣгая къ наемному труду можно обработать участокъ въ одну десятину, семь десятинъ, двадцать десятинъ и 50 десятинъ. Какой изъ нихъ будетъ трудовой нормой? Отбрасывая въ сторону подмѣны, опредѣляемъ: трудовымъ рабочимъ участкомъ будетъ такая земельная площадь, на которой использовываются и занимаются всѣ рабочія силы хозяйствующей единицы.

Вотъ, что такое трудовая норма, согласно программѣ с.-р. осуществляемая уравнительнымъ землепользованіемъ. Не касаясь вопроса, возможно ли такое надѣленіе въ силу объективныхъ условій (о томъ ниже) скажемъ лишь, что трудовая норма и уравнительное землепользованіе несовмѣстимы. Желая установить свою соціализацію, «святое» равенство на основѣ трудовой нормы, соціалисты-революціонеры соединяютъ два другъ друга исключающихъ элемента. Уравнительность землепользованія нарушается фактомъ различія рабочихъ силъ въ надѣляемыхъ семьяхъ. Предполагая для семьи изъ двухъ полныхъ работниковъ трудовую норму въ А десятинъ, мы должны будемъ для семьи съ 4 полными работниками, по той же трудовой нормѣ дать не два А, а 2 А плюсъ еще нѣкоторый участокъ, чтобы создать эквивалентъ для новой появившейся силы, образованной кооперацiей изъ 4 человѣкъ, такъ какъ согласно азбучному закону политической экономіи, наличность коопераціи, т.-е. согласованія дѣятельности, рождаетъ нѣкоторую производительную силу, количественно и качественно превосходящую простую сумму отдѣльныхъ ее составляющихъ рабочихъ силъ. Многорабочія семьи трудовой нормой ставятся не въ уравнительное, а превосходное положеніе по отношенію къ семьямъ малорабочимъ. Здѣсь кроется сила, взрывавшая и взрывающая всякую бывшую и будущую уравнительность, сколько бы не стремились соціалисты-революціонеры закрѣпить ее съ помощью законовъ.

Превосходнымъ способомъ спасти уравнительность явился бы законъ о принудительномъ разселеніи по ровну рабочихъ рукъ. Марья и Петръ изъ многосильной семьи Богдановыхъ, во имя торжества аграрнаго равенства, должны сочетаться бракомъ — (иныхъ, вѣдь, путей нѣтъ—въ качествѣ наемныхъ работниковъ по взглядамъ с.-р. они фигурировать не могутъ)—съ Семеномъ и Анной изъ малосильныхъ семей Ивановыхъ и Петровыхъ. Въ дѣйствительности, въ стремленіи усилить себя рабочей силой, въ деревнѣ такъ и происходитъ. Родители отыскиваютъ для сына «бабу-работницу», оцѣнивая ея достоинства исключительно съ точки зрѣнія пополненія хозяйства рабочей силой. Логика уравнительныхъ взглядовъ приводитъ и, въ этомъ случаѣ, не къ небу, а къ землѣ, къ быту—лишнее доказательство, что превыспреннія теоріи, хвалящіяся удивить міръ своей смѣлостью, ползаютъ на колѣняхъ передъ величайшей деревенской прозой.

Противорѣчіе трудовой нормы уравнительному землепользованію найдемъ и съ другой стороны. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ производящимъ орудія животнымъ, его отношеніе къ природѣ опредѣляется количествомъ и качествомъ имѣющихся у него орудій. Надѣляя по трудовой нормѣ, не нужно забывать, какимъ инвентаремъ — мертвымъ и живымъ, обладаетъ семья. Для крестьянина сѣвера Тамбовской губерніи, ковыряющаго землю сохой на плохенькой лошаденкѣ и цѣлый день до устали махающаго косой,рабочій участокъ одной величины. Для земледѣльца южно-русскихъ степей, имѣющаго хорошихъ лошадей, конную косилку, конныя грабли, жатку-сноповязалку и т. д. рабочій участокъ неизмѣримо больше. Американскій фермеръ, напримѣръ, имѣющій взрослаго сына, съ помощью жатки, не прибѣгая къ наемному труду, управляется съ уборкой 60 десятинъ пшеницы. Различія рабочаго участка въ зависимости отъ имѣющагося въ рукахъ орудія сообразитъ даже совсѣмъ юный интеллигентъ с.-р., узнавъ, что сѣнокосилка при десятичасовомъ рабочемъ днѣ можетъ скосить 4 десятины, а хорошій косецъ, безконечно напрягаясь весь день, не скоситъ и двухъ третей десятины.

Возникаетъ вопросъ: при надѣленіи по трудовой формѣ будетъ принято во вниманіе различіе инвентаря, рабочаго состава семей и количество лошадей? Сказавъ нѣтъ, мы высказываемся за обузданіе производительныхъ силъ, задержку производительности труда и игнорированія техническаго прогресса, т.-е. на точку зрѣнія старушки общины во имя равненія, безсильно хотѣвшей убить хозяйственное развитіе, возникавшее при наличіи различія хозяйствующихъ единицъ. Сказавъ да, мы должны будемъ признать, что отъ уравнительной идеи, какъ отъ бабушкинаго козлика, останутся рожки да ножки, ничего не останется.

Многолошадныя, многорабочія семьи получатъ по трудовому принципу много; малолошадныя гораздо меньше, и въ подобномъ фактѣ, какъ въ отправномъ пунктѣ, будетъ уже лежать корень дальнѣйшаго развитія неравенства, непресѣкаемаго силою закона и дѣятельностью проектированныхъ соціалистами-революціонерами учрежденій, ибо всякая юридическая форма отбрасывается въ сторону, когда она не соотвѣтствуетъ и жметъ экономическое содержаніе жизни. Относительная уравнительность могла бы осуществиться не въ фантазіи, а на нѣкоторое время въ жизни, въ томъ случаѣ, если бы В. М. Черновъ захотѣлъ вообразить себя какимъ-нибудь всесильнымъ фараономъ Аменхотепомъ III и наряду съ всеобщимъ земельнымъ передѣломъ по всероссійской трудовой мѣркѣ предписалъ произвести всеобщій передѣлъ рабочаго состава, лошадей, коровъ, телѣгъ, сохъ, плуговъ и т. д. Кое-что въ смыслѣ передѣла, только далеко не всеобщаго, а частнаго раздѣла помѣщичьяго инвентаря, происходитъ уже и сейчасъ. Санкцію происходящаго могла бы дать намѣченная Черновымъ программа «использованія» земледѣльческимъ населеніемъ инвентаря помѣщичьихъ экономій. Фактически она превратилась бы въ укрѣпленіе используемаго инвентаря въ полную собственность крестьянства.

Что же касается всеобщаго передѣла средствъ земледѣльческаго производства, то мысль соціалистовъ-революціонеровъ къ этому уже подходила вплотную. Въ извѣстномъ проектѣ основного за-

кона о землѣ, изданномъ Новожиловымъ, подъ редакціей авторитетныхъ членовъ партіи с.-р. имѣется пунктъ, гласящій: «всѣ средства земледѣльческаго производства, какъ-то: орудія, скотъ, сѣмена, удобреніе остаются во владѣніи ихъ собственниковъ въ количествѣ необходимомъ для веденія хозяйства на оставляемыхъ въ ихъ пользованіи участкахъ не свыше трудовой нормы».

Здѣсь, какъ во всей политической экономіи народниковъ, сказалась свойственная имъ неряшливость мысли. Не размѣрами земельнаго участка и, значитъ, экономическими нормами, опредѣляютъ они потребительную норму, а потребительной нормой экономическую норму. Не размѣрами средствъ земледѣльческаго производства размѣръ трудовой нормы, а какой-то неизвѣстной трудовой площадью размѣръ средствъ производства. Но, вѣдь, неизвѣстная и признанная за норму площадь чѣмъ-нибудь да обрабатывается—не лаптями же, въ самомъ дѣлѣ? Не будемъ допытываться чѣмъ, а лучше узнаемъ, какъ получили они тотъ комплексъ средствъ, который признанъ ими соотвѣтствующимъ уравнительной трудовой нормѣ. Мнѣ кажется, ихъ манипуляція совершенно ясна: подсчитавъ наличность всѣхъ имѣющихся въ странѣ средствъ производства, они раздѣлили ее поровну между хозяйствами. Иного способа нѣтъ. Эта дѣлежка весьма своеобразна, болѣе чѣмъ характерна, но во всякомъ случаѣ логична. Здѣсь мысль работаетъ глубже и послѣдовательнѣе, чѣмъ у г. Вихляева, дошедшаго только до того, что неравенство въ пользованіи землею происходитъ отъ права частной собственности на землю. Указывая на аренду многолошадными и многорабочими семьями, статистика могла бы поучить статистика, насколько онъ ошибается, забывая о неравенствѣ въ отношеніи къ средствамъ производства. Но сего основного положенія капиталистическаго строя, г. Вихляевъ понять не можетъ, такъ какъ голова его, если о ней судить, напримѣръ, по сочиненной сю брошюркѣ «Какъ уравнять пользованіе землею», сплошь полна представленій натуральнаго хозяйства и, право, трудно представить себѣ другого идеолога, столь послѣдовательно обслуживающаго Ветхій Завѣтъ русскаго крестьянства.,

Посмотримъ теперь, возможно ли надѣленіе по трудовой формѣ, т.-е. земельнымъ участкомъ, способнымъ занять всѣ рабочія силы земледѣльческаго населенія.

* * *

Что до послѣдняго времени сельско-хозяйственное производство не занимало всей рабочей силы земледѣльческаго населенія, тому лучшее доказательство существованіе пролетаріата, вытолкнутаго изъ деревни, слѣдовательно, ненаходящаго въ ней примѣненія своей рабочей силѣ избыточнаго населенія.

Въ матеріалахъ комиссіи, утвержденной въ началѣ девятисотыхъ годовъ, по изслѣдованію вопроса о движеніи благосостоянія сельскаго населенія, приводился интересный расчетъ, показывавшій, что надѣльная земля можетъ занять 21% рабочей силы сельскаго населенія. На одного работника обоего пола приходится лишь 21% того, что онъ могъ бы обработать въ теченіе періода уборки. Отсюда почерпало свое объясненіе интенсивное переселеніе, бѣшеная жажда аренды, а съ другой стороны — передвиженіе по Россіи на востокъ и на югъ массъ свободныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Здѣсь же и корень развитія капитализма въ странѣ. За указанное время значительное число избыточнаго населенія выплеснулось изъ деревни, прикрѣпившись постояннымъ заработкомъ къ промышленному труду. Емкость территоріи уплотнилась. Но появленіе въ деревнѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, при слабомъ развитіи трудоемкихъ культуръ, не уменьшило, а, быть можетъ, даже увеличило процентъ неиспользованной на надѣльной землѣ рабочей силы.

Даже допуская, что процентъ ея остается прежнимъ, мы должны будемъ признать, что для занятія всей рабочей силы деревни, ее необходимо надѣлить площадью въ пять разъ большей площади надѣльной земли. Для этого частновладѣльческая земля должна расшириться изъ 100 милл. десятинъ до 400. А этого чуда не можетъ сдѣлать даже Николай чудотворецъ. Здѣсь единственнымъ способомъ выйти изъ бѣды является широчайшая анексія и не кусковъ Турціи, о которыхъ мечталъ П. Н. Милю-

ковъ, а нѣчто такого, о чемъ можетъ мечтать лишь сумасшедшій гоголевскій Поприщинъ—всей Европы.

Къ невозможности надѣла по трудовой нормѣ пришелъ и покойный профессоръ А. И. Скворцовъ, поставившій себѣ задачу точно опредѣлить ту таинственную неизвѣстную величину, о которой нынѣ В. М. Черновъ любитъ говорить, какъ о всероссійской, одинаковой для всѣхъ, трудовой мѣркѣ.

А. И. Скворцовъ взялъ крестьянскую семью черноземной полосы, изъ района, гдѣ господствуетъ трехполье, какъ обычный въ данной области способъ эксплуатаціи земли. Онъ взялъ семью изъ 6 членовъ — двухъ полныхъ работниковъ (мужъ и жена), двухъ полуработниковъ (старикъ или старуха и подростокъ) и двоихъ дѣтей, а потребности семьи подсчиталъ по самой минимальной мѣркѣ». И оказалось, что трудовой «рабочій участокъ нашего крестьянина долженъ быть никакъ не менѣе 32—33 десятинъ».

Могутъ указать на неправильность расширенія на всю Россію потребительно-трудовой нормы, выработанной въ условіяхъ варварскаго трехполья въ какомъ-нибудь Тамбовскомъ, захолустьѣ. Совершенно согласны, это не только неправильно но даже абсурдно, такъ какъ, если для Тамбовской губерніи трудовая норма 32 десятины, то подъ Москвой, среди садоводовъ и огородниковъ, сажающихъ овощи и землянику-викторію, покажется большимъ и участокъ въ 4 десятины. Но вѣдь это не мы, а соціалисты-революціонеры, устами В. М. Чернова, говорятъ «о всероссійской мѣркѣ одинаковой для всѣхъ», или о «средней или общегражданской нормѣ, которая служитъ для дальнѣйшаго регулированія уравнительности землепользованія». Это не наша мысль, а ихъ. Мы лишь доказываемъ ея нелѣпость.

Что же въ общемъ, въ концѣ-концовъ, представляетъ собою трудовая норма, если не дѣлать изъ нея стропилъ для звѣзднаго неба аграрныхъ мечтаній?

Какъ норма положительная, выставляющая принципъ созданія нѣкоего идеальнаго типа хозяйства, поглощающаго рабочую силу крестьянской семьи, она объективно невозможна. Значитъ, она не

положительно очерченная мѣрка, а лишь нѣкая стрѣла, нѣкое направленіе къ идеалу хозяйственной единицы, осуществляющей свои потребности, не продавая, и не покупая рабочей силы и гармонически существуя, бокъ-о-бокъ, съ милліонами такихъ же идеальныхъ величинъ и такого же потребительно трудового баланса.

И здѣсь, какъ и въ десяткахъ другихъ случаяхъ, приходится констатировать, что это отзвуки прошлаго. Не взглядъ это впередъ, а взглядъ назадъ. Идеальная механика не продающаго и не покупающаго рабочую силу хозяйства, при капитализмѣ въ странѣ является полнѣйшей утопіей. Крестьянинъ не продавалъ и не покупалъ рабочей силы, лишь въ блаженное время сладко идеализированное Хомяковымъ, утверждавшимъ, что русскій поселянинъ, застрахованный общиною, не знающій денежной платы за трудъ, не былъ, не будетъ и не можетъ быть пролетаріемъ, т.-е. продавцомъ рабочей силы. Подкрашивая подобное состояніе, не нужно забывать, что, хотя крестьянинъ и не продавалъ тогда своей рабочей силы, но бѣгалъ на барщину, что было похуже. Не нужно забывать и того, что самодержавіе и битье батогами также присущи этому времени Салтычихъ, какъ хвостъ собакѣ или когти кошкѣ. Они органически, функціонально связаны другъ съ другомъ.

Что же касается наивной святости незнанія денежной платы, вытекавшей изъ умилительнаго отсутствія продажи рабочей силы, (изъ того, что въ законодательномъ порядкѣ хотятъ или хотѣли бы провести наши соціалисты-революціонеры), то все это происходило на почвѣ натуральнаго хозяйства и натуральныхъ повинностей самодавлѣющей общины. Крестьянинъ былъ независимъ отъ рынка, носилъ лапти, домодѣльную рубашку и штаны, не зналъ ни чаю, ни сахару, никакихъ нынѣшнихъ «развращающихъ» потребностей, все добывалъ собственноручно изъ своего хозяйства, покорно платилъ натурою оброкъ или три дня въ недѣлѣ работалъ на барской землѣ, а остальные на той землѣ, которая давалась ему государемъ и бариномъ въ «уравнительное пользованіе».

Лишь уносясь взглядомъ въ прошлое, идеализируя и очищая его отъ всего того, съ чѣмъ оно было и не могло не быть исторически связаннымъ, мы получаемъ нѣкій метафизическій фонъ, на которомъ только и можно установить механику трудового хозяйства, удовлетворяющаго потребности не покупая, и не отчуждая своей рабочей силы. Движеніе, въ которомъ сидитъ гдѣ-то подобный идеалъ, несомнѣнно противорѣчиво. Оно идетъ впередъ, глядя назадъ. Оно, движеніе впередъ, поскольку крестьянство, стремясь утвердить максимумъ расширенія своего землепользованія, ломаетъ помѣщичье землевладѣніе и взрываетъ возглавлявшую его политическую форму самодержавія. Оно сила прогресса, созидающая на обломкахъ раздавленнаго стараго, новое общество — буржуазное.

И оно въ то же время вздохъ по-старому, поскольку результаты движенія стремятся закрѣпить въ формахъ общиннаго аппарата и фикціи независимаго хозяйства. Словомъ, идетъ верблюдъ по степи впередъ и несетъ на горбу ковчегъ съ ветхимъ завѣтомъ...

Но съ Ветхимъ Завѣтомъ дѣлать теперь нечего. Субъективно желательное—не есть еще объективно выполняемое. Отъ общинно-передѣльныхъ и вообще всѣхъ утопическихъ чертежей соціалистовъ-революціонеровъ не останется ни слѣда, когда они столкнутся съ жизнью. Съ точки зрѣнія культуры, только жаль, что, и безъ того безконечно ограниченный, запасъ интеллектуальныхъ силъ нашей страны будетъ затраченъ совершенно впустую.

И, можетъ быть, лишь послѣ этого—станетъ яснымъ, что улучшеніе массъ населенія въ ближайшую эпоху будетъ происходить только въ условіяхъ развитія капитализма, увеличивающаго «емкость» территоріи, устраняющаго избытки населенія, дающаго имъ то производительное занятіе, которое не способно дать невозможное надѣленіе по трудовой мѣркѣ. Не являясь мѣрою реально возможною, она, въ сущности, является лишь агитаціоннымъ экономическимъ лозунгомъ для расширенія крестьянскаго движенія: вся земля, что есть, подъ трудовое хозяйство!

Должны совершенно опредѣленно сказать, что къ такому аги-

аціонному лозунгу, безъ оговорокъ, мы присоединиться не можемъ. Въ главномъ земельномъ комитетѣ его разъяснили въ томъ смыслѣ, что всѣ земли хозяйственнаго назначенія переходятъ въ руки трудящихся. Когда по этому пункту возникло сомнѣніе, министръ земледѣлія Черновъ потребовалъ поименнаго голосованія, очевидно, для опредѣленія «враговъ и супостатовъ трудового крестьянства». Передача всей земли въ руки трудящихся, съ точки зрѣнія принципа надѣленія по трудовой нормѣ, представляется неоспоримой. Но что же она означаетъ конкретно. По переписи 1916 г. рядомъ съ 64 милліонами крестьянской посѣвной площади есть 7 милліоновъ десятинъ подъ частновладѣльческимъ поставомъ. Какъ губка смываетъ рисунки съ грифельной доски, такъ передѣлъ по трудовой нормѣ смоетъ всѣ очертанія частновладѣльческаго посѣва. Надѣленія по трудовой нормѣ все равно не произойдетъ, но частновладѣльческое хозяйство исчезнетъ. Конечно, оно обречено на гибель, а что падаетъ, нужно толкнуть. Но среди обреченнаго на гибель есть нѣчто экономически цѣлесообразное.

Мы должны принципіально помнить, что среди угрожаемыхъ уничтоженіемъ хозяйствъ есть хозяйства отнюдь не гиблыя и не палыя, а высокой экономической цѣнности и полезности съ точки зрѣнія государственныхъ потребностей. Сюда относится сельскохозяйственная индустрія, хозяйственно связанная съ землею, разсадники племенного скота, питомники, молочныя экономіи, высокаго типа виноградарства, нѣкоторыя превосходно поставленныя сѣмянныя хозяйства и т. д. Сколько ихъ—дѣло детальнаго обслѣдованія и не о цифрахъ и перечисленіяхъ здѣсь идетъ рѣчь, а объ основномъ принципѣ подхода.

В. М. Черновъ кое-какъ добрался до мысли, что «такія хозяйства не обязательно должны быть раздробленными». Съ точки зрѣнія государственной, на которой долженъ и не можетъ не стоять министеръ земледѣлія, съ точки зрѣнія экономической культуры, съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата города и деревни, формула Чернова должна быть признана неудовлетворительной. Мысли, что такія хозяйства «не обязательно должны быть раздроблены» —

мы рѣшительно противопоставляемъ обратное положеніе: такія хозяйства не должны быть раздроблены. Въ бѣдной культурой странѣ нельзя позволять себѣ роскошь экономическаго вандализма, нельзя уподобляться косцу, который, размахивая косой (раззудись плечо), выкосилъ не только траву, но и овощи въ грядахъ и въ клумбахъ цвѣты. Какъ нельзя въ угоду ремесленникамъ раздроблять фабрику, такъ нельзя въ угоду крестьянъ дѣлить правильно-организованную сельскую экономію.

Негосударственность и узость горизонта, проявленная В. М. Черновымъ въ этомъ вопросѣ, есть не столько его личный недостатокъ, сколько недостатокъ той классовой точки зрѣнія, которую онъ обслуживаетъ.

Въ дни, когда министерствомъ земледѣлія завѣдывалъ А. И. Шингаревъ, мы имѣли обращенія къ крестьянству съ просьбой щадить и оберегать полезныя государству хозяйства. Напримѣръ, воззваніе отъ 1-го мая гласитъ, что «слѣдуетъ бережно относиться къ хорошо поставленнымъ образцовымъ хозяйствамъ, племенному скоту, къ машинному инвентарю, плодовымъ садамъ и лѣсамъ. Такія хозяйства создавались въ теченіе долгихъ лѣтъ упорнымъ трудомъ съ большими затратами. Россія очень бѣдна образцовыми хозяйствами, племенными разсадниками скота и сѣменными разсадниками, а потому всѣ подобныя хозяйства представляются особенно цѣнными для государства и, никоимъ образомъ, не допустимо ихъ уничтоженіе или разореніе».

Въ дни министерства Чернова, и это въ высокой степени характерно, мы такихъ обращеній что-то не слышали. А между тѣмъ, болѣе чѣмъ когда-либо они были бы кстати, исходя отъ министра земледѣлія, какъ «депутата Камышинскаго уѣзда», т.-е. идеолога крестьянства. И дѣло здѣсь не въ томъ, что частновладѣльческое хозяйство, вмѣстѣ съ его культурной и нужной для государства частью, безъ изъятія, все равно обречено на гибель. Это возможный—фактъ, но не принципъ. Хозяйственная разруха можетъ быть слѣдствіемъ революціи, но никогда ея принципомъ.

Обращеніе А. И. Шингарева и молчаніе В. М. Чернова не случайности, а проявленіе разныхъ классовыхъ точекъ и различныхъ классовыхъ оцѣнокъ. Шингаревъ, какъ либеральный буржуа, стоящій на точкѣ зрѣнія признанія капиталистическаго развитія, стоитъ и за признаніе цѣнностей, созданныхъ экономикой капиталистической культурой. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и соціалъ-демократія, замѣняя, однако, абсолютность признанія—признаніемъ относительнымъ, исторически разсматривающимъ экономику капитализма, не какъ «самоцѣль», а необходимый матеріалъ для построенія болѣе высшаго общественнаго строя. Подходъ отсюда, позволяетъ соціалъ-демократіи ясно отличать интересы промышленности отъ интересовъ промышленниковъ, интересы сельскаго хозяйства отъ интересовъ сельскихъ хозяевъ, у Шингаревыхъ такое раздѣленіе послѣдовательно проведено быть не можетъ. Блюдя культурное сельское хозяйство, они не могутъ поднятся на точку зрѣнія соціалъ-демократіи, сохраняющей хозяйство, но не охраняющей помѣщика, предлагающей беречь хозяйство, но не право помѣщика получать ренту.

Оставаясь послѣдовательнымъ, В. М. Черновъ не способенъ встать на государственную точку зрѣнія. Для этого онъ долженъ признать, что ходъ развитія народнаго хозяйства въ цѣломъ, направляется капитализмомъ на основахъ развитія наемнаго труда. Но какъ же онъ можетъ признать все это, разъ въ горизонтѣ его политики стоитъ желаніе запретить наемный трудъ въ земледѣліи, разъ предъ нимъ маячитъ идеалъ независимаго, неотчуждающаго свою рабочую силу хозяйства, разъ предъ нимъ стоитъ мечта заключить грандіозную область русскаго земледѣлія въ кругъ магическихъ рамокъ соціализаціи и съ помощью общиннаго «Лазаря» заговорить и спасти отъ капитализма! Онъ можетъ лишь радоваться крушенію капиталистически оборудованныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, ибо на нихъ выростаетъ его идеалъ—трудовое хозяйство. Въ эти дни разрушенія, созданнаго бурей войны, когда отмираютъ и рушатся цѣлыя хозяйственныя отрасли, онъ можетъ говорить: «въ пожарѣ что-то революціонное,

онъ смѣется надъ собственностью и нивелируетъ состоянія». Пр
исходитъ всеобщее уравненіе, облекающее уравнительное зем
пользованіе. Пусть летитъ въ сторону рядъ хозяйственныхъ о
ганизацій. «Мы нашъ, мы новый міръ построимъ, кто были н
чѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ». Кто былъ батракомъ—станетъ хозя
иномъ независимаго хозяйства.

Такъ руссифицируетъ «Интернаціоналъ» русскій соціализмъ
подмѣниваетъ соціализмъ рабочаго класса уравнительнымъ дѣл
жомъ революціоннаго хозяина.

Нѣтъ ничего страннаго и непонятнаго въ этомъ перевопл
щеніи на русской почвѣ интернаціональнаго соціализма. Искаж
ніе соціализма производится не злой волею, а состояніемъ ист
рической культуры и характеромъ общественныхъ отношені
Перенесите европейскій соціализмъ въ Монголію, гдѣ кстати с
ществуетъ уравнительное скотоводство, и европейская идея п
лучитъ желтую окраску и косые глаза, сдѣлается монгольско
какимъ-нибудь призывомъ дѣлить верблюдовъ и сарлыковъ.

Идеи, какъ и растенія, требуютъ опредѣленной почвы. Пальм
не можетъ жить на сѣверѣ, а если выживетъ, то въ порядк
приспособленія къ климату и почвѣ превратится уже не в
пальму, а въ дерево другого вида. Европейскій соціализмъ, эк
спортируемый на русскую черноземную почву, немедленно впиты
ваетъ въ себя сокъ русской этнографіи, сокъ славянофильскаг
соціализма, теряетъ свой европейскій классовый позвоночникъ
превращается въ расплывчатый вопросъ: а народу сочувствуешь
Такихъ «соціалистовъ» сочувственниковъ въ дни революціи рас-
плодилось невѣроятно. Всѣ стали соціалистами. «Идеалы соціа-
лизма, говорилъ г. Ткачевъ на всероссійскомъ казачьемъ съѣздѣ—
знакомы и близки русскому казачеству. У него община, какъ
мощный оплотъ новаго соціальнаго строя» [1]). Всѣ стали соціали-

---

[1]) Г-нъ Ткачевъ сказалъ глубокую истину. Идеалы соціализма, не
пролетарскаго разумѣется, не европейскаго, а „русскаго соціализма“,
аграрнаго соціализма—соц. револ. прекрасно извѣстны казакамъ.
Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ казакъ отличается отъ крестьянина? Вѣдь

стами, ибо, за недостаткомъ другихъ тканей, отдавая дань 20-му вѣку — въ костюмѣ соціалистической фразеологіи ходитъ буржуазная революція.

Съ высотъ трудового уравнительнаго землепользованія, какъ идеала, В. М. Чернова и Н. А. Вихляева, министра земледѣлія и его товарища, если разсуждать логично, не вызываетъ никакого ужаса состояніе металлическаго голода, нынѣ испытываемое земледѣліемъ. Война, какъ извѣстно, въ полной мѣрѣ парализовала ненавистный уравнительному принципу проводникъ капитализаціи деревни — сельскохозяйственное машиностроеніе. За время войны было заказано 7.935 сѣялокъ, получено 109; уборочныхъ машинъ заказано 19.4000, ни одной не получено; молотилокъ заказано 11.110, получено 142. Въ общемъ, къ веснѣ 1917 года исполнено 2% заказовъ. Сельское хозяйство послѣ, примѣрно, 35-ти милліоннаго потребленія металла ежегодно, въ теченіе второго года войны должно было ограничиться количествомъ менѣе 2 милліоновъ пудовъ, и въ результатѣ недополучало отъ 50 до 90% сельскохозяйственнаго инвентаря (см. «Торг.-Промышл. Газету» № 119).

Здѣсь не угроза развитію производительныхъ силъ, а просто фактъ полнаго разложенія хозяйства, такого, что самый богатый урожай можетъ пропасть на корню отъ недостатка уборочныхъ средствъ.

не тѣмъ, что у него пика, шапка на бекрень и сидитъ онъ на лошади, а тѣмъ, что у казаковъ всегда было болѣе земли, а у мужика всегда меньше. Казаки сидѣли на вольной землѣ, а крестьяне были сдавлены помѣщикомъ. Оттого одни бунтовали, а другіе, не имѣя причинъ быть недовольными, ихъ усмиряли. У казаковъ было много земли въ общинномъ распоряженіи и общемъ достояніи, а это и есть то, чего хотятъ соціалисты-революціонеры для великорусскаго крестьянина. Они хотятъ, чтобъ въ соціально-экономическомъ смыслѣ онъ сталъ казакомъ... А когда крестьянинъ „оказачится“ съ помощью земельной прирѣзки—повѣрьте, онъ какъ казакъ станетъ за порядокъ и не будетъ кричать „да здравствуетъ Интернаціоналъ!“

Положеніе, съ точки зрѣнія здраваго смысла, характеризуемое угрожающимъ, далеко еще не таково съ позиціи продумываемаго до конца уравнительнаго землепользованія. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что уравнительность землепользованія разлетается при встрѣчѣ съ различіемъ рабочаго состава крестьянскихъ семей (одинъ, два или три работника), степенью ихъ лошадности (одна, двѣ или три лошади) и различіемъ въ наличности сельскохозяйственнаго инвентаря (ручная коса, напримѣръ, или конная жатка).

Пожаръ войны смѣется надъ дифференціацией собственности и творитъ любезную сердцу россійскихъ уравнителей—всеобщую нивеллировку.В ойна, во-первыхъ, убиваетъ 2 милліона и милліоны дѣлаетъ инвалидами. Она вынимаетъ изъ деревни избыточное населеніе и кладетъ его подъ разстрѣлъ пушки и пулемета. Въ деревнѣ остается меньше работниковъ, а у нихъ больше земли. Мертвымъ она не нужна — только три аршина, а живымъ пригодится. Чѣмъ больше мертвыхъ, тѣмъ легче живымъ осуществить идеалъ трудовой нормы; вспомните, что слышали отъ крестьянъ въ 1902 г.—«хоть война бы—просторнѣе будетъ». Война, во-вторыхъ, реквизируетъ лошадей и уменьшаетъ различія въ степеняхъ лошадности. Война, въ-третьихъ, добирается до важнаго различія въ сельскохозяйственномъ инвентарѣ и превращаетъ его въ труху. Всѣ равны и у всѣхъ ничего: главное условіе для уравнительнаго землепользованія. Деньги есть, но нѣтъ возможности достать ни косу, ни топоръ, ни гвоздей, ни подковъ, ни уборочную машину. «Цѣлыя толпы народа»,—сообщаетъ Меленскій союзъ кредитныхъ товариществъ,—приходятъ къ намъ въ Союзъ и требуютъ желѣза: полосового, шиннаго, подковнаго. Наши поиски, наши старанія что-либо получить—ни къ чему не приведутъ» («Власть Народа» № отъ 21 іюня). Телѣги и инвентарь приходятъ въ полный упадокъ. Прекращается перевозка,—разрывается обмѣнъ, городъ не получаетъ хлѣба. Не потащитъ же его крестьянинъ на спинѣ, когда «телѣга развалилась, а некованная лошадь разбила копыта». Подъ зловѣщимъ, испепеляющимъ дыханіемъ войны сельское хозяйство начинаетъ скатываться

:азадъ, приходя къ примитивпой техникѣ натуральнаго хозяй-
тва и деревня, забитая грудами ничего пе стоющихъ бумажекъ,
отова предложить городу старый, натуральный способъ обмѣна—
олько продуктъ на продуктъ. Устами центральнаго комитета
ольшевиковъ, городъ принимаетъ положеніе и выдвигаетъ «орга-
низацію въ широкомъ областномъ, а затѣмъ и общегосударствен-
омъ масштабѣ обмѣна сельскохозяйственныхъ орудій, одежды,
буви на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты».

Нажимомъ неимущихъ революціонныхъ классовъ, накоплепные
оходы имущихъ переливаются въ низы, перераспредѣляются, по
ь обстановкѣ непроизводительнаго потребленія происходитъ нэ
авенство на почвѣ благосостоянія, а процессъ уравниванія на
очвѣ всеобщаго постепеннаго обнищанія. Но, вѣдь, это и есть
э идеальное положеніе, которое даетъ возможность установить
равнительное землепользованіе на основахъ для всѣхъ одинако-
эй трудовой нормы! Вспомните, дѣйствительно, при какихъ усло-
іяхъ старый общинный аппаратъ устанавливалъ уравнитель-
эсть землепользованія. При всеобщемъ обнищаніи, отсутствіи капи-
ілизма, избыточномъ земледѣльческомъ населеніи.

Равенство на почвѣ всеобщаго обнищанія уже имѣется въ ло-
ической перспективѣ. Въ такой же логической перспективѣ и
ымираніе нашего промышленнаго капитализма, который въ усло-
іяхъ изношенности техники, отсутствія топлива, сырья, требо-
іній рабочихъ, похожъ на больного, дышащаго на ладанъ. Живъ
годня, но завтра мертвъ. А если завтра погаснетъ, уже пога-
ющая, фабричная печь, станутъ, уже останавливающіяся желѣз-
ыя дороги, перестанетъ дымиться фабричная труба—сигнализа-
ія и символъ промышленной жизни — рабочее населеніе, подъ
розой голода, бросится въ деревни, сгрудитъ въ общинахъ избы-
очное населеніе, которое, какъ раньше, начнетъ судорожно осу-
ествлять уравнительную дѣлежку, справедливо дробя землю
ежду голодными работниками и ѣдоками.

Такъ въ перспективѣ, на горизонтѣ Россіи, подымается страш-
ая тѣнь ободранной, соломенной великорусской общины. А разъ

имѣются признаки, говорящіе, что разлагающееся хозяйство Россіи поворачиваетъ къ натуральному хозяйству, то, пожалуй, особенно кстати, появленіе у власти Чернова и Вихляева, именно тѣхъ, у которыхъ рядомъ съ объективно-революціонной, разсчитанной на будущее, аграрной программой и въ качествѣ ея субъективной надстройки есть программа реакціонная, разсчитанная на земельное переустройство Россіи, примѣнительно къ прошлымъ условіямъ жизни. Но если бы намъ, всему міру, подобно греко-римскому міру, послѣ высокаго расцвѣта суждено въ результатѣ войны разложиться, впавъ въ маразмъ натуральнаго хозяйства, то возставшій изъ гроба Хомяковъ поведетъ дѣтей Чернова прикладываться къ мощамъ св. Питирима. Ярко-красная бабочка соціалистовъ-революціонеровъ обратнымъ ходомъ исторіи свернется въ своего предка—сѣрую гусеницу славянофильства...

«Фантазія!» — воскликнетъ соціалистъ-революціонеръ. Совершенно вѣрно—фантазія; у насъ, полагаемъ, не только прошлое, а есть и будущее. У власти, какъ символическая фигура, стоитъ не только Черновъ, щекой обращенный къ прошлому, но и Церетелли, весь устремленный впередъ... Рисуя свою фантастическую картину, мы говорили: вы хотите уравнительнаго землепользованія, независимаго отъ капитализма хозяйства, общинно-передѣльнаго аппарата. Извольте:—вотъ какимъ способомъ и ходомъ вещей, въ обстановкѣ міровой войны, разлагающаяся дѣйствительность могла бы подготовить почву для умѣстности нѣкоторыхъ вашихъ идей. Вамъ это не нравится, такъ поймите — розы безъ шиповъ не бываетъ.

А теперь перейдемъ къ другой картинѣ и постараемся опредѣлить, что означаетъ требованіе отмѣны всякой поземельной собственности не въ субъективномъ опредѣленіи соціалистовъ-революціонеровъ, а въ объективномъ опредѣленія дѣйствительности. Вопросъ ставится такъ: во что, въ обстановкѣ россійской дѣйствительности, *должна* превратиться національзація земли?

* * *

ачнемъ съ указанія, что всякій крестьянинъ, мечтающій о рѣзкѣ земли и даже весьма плохо представляющій себѣ на-ализацію и соціализацію, превосходно знаетъ — аграрная ре-ма есть именно прирѣзка, добавленіе, расширеніе его земле-ьзованія, а не отрѣзка, не отчужденіе. И совершенно понятна)средственность того орловскаго крестьянина, который, позна-ившись съ принципомъ трудовой нормы, восхищенно восклик-ь: «Эка благодать! Да я, такъ, десятинъ пятьдесятъ на себѣ у».

римемъ теперь во вниманіе, по проекту соціалистовъ-револю-еровъ, земля выдается совершенно даромъ. «За право на тру-ю норму никакой платы не должно быть установлено». Черновъ. «Дѣло Народа» № 56). «Право безвозмезднаго поль-нія земельнымъ участкомъ не должно быть нарушено». кляевъ).

ффиціально право безвозмезднаго пользованія выражено въ льномъ законѣ соціалистовъ-революціонеровъ, внесенномъ во Думу въ слѣдующемъ видѣ:

– «За отводъ общественной земли въ частно-трудовое поль-ніе не можетъ быть взимаемо никакой платы, ни въ видѣ мельнаго налога, ни въ видѣ аренды. Обложенію могутъ под-ать лишь излишки земли сверхъ принятой нормы или чрез-айные доходы, обусловливаемые особыми качествами или ми преимуществами даннаго участка (дифференціальная а»).

акимъ образомъ, мысля конкретно, можно освободить земле-ьца отъ поземельнаго налога въ государствѣ, безконечно дающемся въ средствахъ—понять нѣсколько трудно. Во вся-ь случаѣ, это во вкусѣ приспособленія къ нетронутой, при-ивной крестьянской мысли, плохо представляющей себѣ су-тво «казны» и источники ее составляющіе. Въ результатѣ то, слышитъ отъ соціалиста-революціонера крестьянинъ, сводится слѣдующему: у тебя есть нѣкоторый участокъ земли; путемъ аратнвнаго отказа отъ права собственности на него и требо-

ванія всероссійской отмѣны правъ частныхъ земельныхъ собств
никовъ вообще («націонализація»), ты можешь получить участ
неизмѣримо большій, чѣмъ твой. Участокъ получишь въ безср
ное пользованіе такой же, какъ твои сосѣди, совершенно
платно, съ однимъ только условіемъ не примѣнять наемнаго тру
обрабатывая его собственными силами («соціализація»). Для
кой «волшебной сказки» требуется, слѣдовательно, только на
нализація, и только «соціализація» и, естественно, крестьян
не можетъ не крикнуть—да здравствуетъ соціализація и тыс
разъ націонализація! Крестьяне, сводившіе печальные ко
своего хозяйства съ помощью продажи рабочей силы—магичес
силою націонализаціи и соціализаціи, якобы, спасаются отъ
трачества и дѣлаются крѣпкими хозяевами, а какой крестьян
объ этомъ не мечтаетъ? Средніе слои, съ помощью той же наці
лизаціи, увеличиваютъ землепользованіе. Зажиточныя гру
крестьянства, тѣ противъ «націонализаціи», но о нихъ не и
рѣчь.

Такова картина, объясняющая намъ удивительный истор
скій и соціальный парадоксъ — ярый собственникъ-крестьян
убѣжденно голосуетъ за отмѣну частной собственности на зе
«отнынѣ и навсегда». Эта «націонализація» не есть та наці
лизація, о которой говоритъ соціализмъ. Требуя націонализ
земли, отмѣны частной собственности на землю, крестьянинъ
сказывается противъ земельныхъ правъ прежнихъ частновлад
цевъ, во имя своего права на ихъ землю. Съ точки зрѣнія «п
революціи»—все совершенно безспорно. Націонализація земли,
мѣна новымъ правомъ отмѣняемаго стараго, мыслится, какъ у
віе закономѣрнаго, въ порядкѣ новаго революціоннаго права
личенія надѣла. Подобное право, конечно, не умѣщается въ
ловѣ гг. юристовъ самодержавія и полусамодержавія, ибо по
«научному» праву ни одна революція не имѣетъ права на
ществованіе. Крестьянинъ, не мысля какъ юристы, но мысля
конно, полагаетъ, что произвести желательную перетасовку
мельныхъ отношеній возможно, лишь отмѣнивъ прежнія п

ıдѣльцевъ и признавъ, что въ моментъ историческаго пере-
)тра земельныхъ границъ, общее право собственности на землю
инадлежитъ всему народу, производящему передѣлъ.

Вотъ смыслъ крестьянскихъ резолюцій. «Отнынѣ и навсегда»
лжна быть отмѣнена частная собственность вѣковыхъ враговъ
естьянства — помѣщичьяго класса. Резолюціи даютъ, въ сущ-
сти, только юридическое выраженіе итоговъ фактовъ. Частная
мѣщичья собственность фактически отмѣнена, по крайней мѣрѣ,
условіяхъ, имѣющагося сейчасъ, когда пишутся эти строки,
тношенія общественныхъ силъ. Прежнее право уже не право,
нимъ нѣтъ силы. Сосѣдняя промышленная страна разстрѣляла
литическую оболочку отсталой, земледѣльческой страны. Вы-
анный сдвигъ общественныхъ отношеній завершилъ дѣло, вы-
осивъ самодержавіе, какъ негодный, разстрѣлянный патронъ;
раво» прежнихъ господъ земли Россіи, безъ опоры и защиты
иодержавія, безсильно повисло въ воздухѣ, держась инерціей.
мля «изъята» изъ товарнаго обращенія, т.-е. прекращены купля,
одажа и всякія сдѣлки съ землею, какъ съ товаромъ, не по-
лѣніемъ Чернова, а фактомъ революціи. Этого не понимаютъ
копники революціи и, сражаясь въ этой области съ Черновымъ,
съ нимъ сражаются, а съ самой революціей. Старый хозяинъ
е на землѣ, потому что новый хозяинъ еще не пришелъ изъ
оповъ. Тутъ соціальный нервъ революціи.

Только революціонные юноши и взрослые, зараженные баку-
істскимъ доппингомъ перманентной революціи, могутъ мыслить
шу революцію, хоть въ какой-либо мѣрѣ, прелюдіей къ соціали-
ической... «Совѣты Рабочихъ Депутатовъ», «министры-соціалисты»
прочее, и прочее, просто дань, отдаваемая запоздавшей буржуаз-
ой революціей 20 вѣку. Сущность революціи въ деревнѣ и сдѣлала
, физически, главнымъ образомъ, деревня. Послѣдовательная буржу-
ная революція неминуемо должна уничтожить среднее и крупное
млевладѣніе, какъ фактическую опору самодержавно-сословнаго
роя, стѣсняющаго хозяйственное развитіе страны. Конференція
-д. меньшевиковъ (7—13 мая) правильно формулировала аграр-

ный вопросъ, т.-е. основной вопросъ революціи: «для уничто[...]нія кабальныхъ отношеній въ деревнѣ, для уничтоженія сосл[...]наго строя, основывающагося на крупномъ и среднемъ землев[...]дѣніи, для повышенія экономическаго уровня крестьянъ и ра[...]чихъ, приходящихъ изъ деревни.... должна быть произвед[...] Учредительнымъ Собраніемъ земельная реформа». Изъ резолю[...] я только выбросилъ слова: «и въ интересахъ дальнѣйшаго р[...]витія революціи»; если сущность революціи въ деревнѣ, то, ка[...] только будетъ произведена «земельная реформа», ни о как[...] «дальнѣйшемъ развитіи» говорить не придется: революція к[...]чается.

Исходя изъ такого пониманія и, пользуясь языкомъ совѣтовъ крес[...]янскихъ депутатовъ, можно сказать: отнынѣ и на всегда дол[...] быть уничтожено право земельной собственности прежнихъ в[...]дѣльцевъ средняго и крупнаго землевладѣнія. Говоря объ «унич[...]женіи собственности», мы не хотимъ, чтобъ оно производил[...] калмыцкимъ методомъ — поджиганіемъ усадебъ, лѣсовъ, унич[...]женіемъ инвентаря, садовъ, питомниковъ и, вообще, мало на[...] симпатичнымъ монгольскимъ истребленіемъ вещей. Въ «красн[...] пѣтухѣ», уничтожающемъ собственность, мы, вопреки утвер[...]нію Герцену, не видимъ ничего революціоннаго и не о так[...] «уничтоженіи» собственности говоримъ мы—соціалисты [1]).

[1]) Вотъ что писалъ Герценъ („Былое и Думы"): „Я остался [...] террасѣ. Камердинеръ смотрѣлъ съ какимъ-то нервнымъ удово[...]ствіемъ на пожаръ, приговаривая: „славно забираетъ, вотъ и эт[...] домъ направо загорится, непремѣнно загорится". Пожаръ имѣ[...] въ себѣ что-то революціонное: онъ смѣется надъ собственност[...] нивелируетъ состоянія. Камердинеръ инстинктомъ понялъ это". [...] камердинеръ „инстинктомъ" находилъ здѣсь революціонное порав[...]ніе—насъ не удивляетъ. Вѣроятно, онъ былъ взятъ изъ милаго [...]кровскаго, изъ „мужичковъ, задвинутыхъ лѣсами". Ему приказа[...] надѣть бѣлыя перчатки и что же спрашивать съ него. А вотъ об[...]зованнѣйшій русскій дворянинъ Герценъ, сынъ образованнаго Як[...]лева, въ „красномъ внизу и сѣро-чернымъ сверху" пламени, сж[...]гавшемъ цѣнности, находилъ революцію—вотъ о чемъ стоитъ пор[...]мыслить. Герценъ часто любилъ язвить надъ петербургскими ба[...]

лѣдуя той же трезво-революціонной тактикѣ, мы, далѣе укааемъ, чтобъ операція уничтоженія частной собственности, весьма ительная въ области средняго и крупнаго землевладѣнія, новилась осторожной при переходѣ въ область мелкаго земледѣнія и устраняя хозяйства, носящія кабальный характеръ, касалась крестьянскихъ хозяйствъ производительнаго типа. ача революціи, уничтожая самодержавіе и его экономическую ру—среднее и крупное землевладѣніе, передвинуть «завоеван- о» землю въ руки крестьянскихъ хозяйствъ, какъ питательхъ пунктовъ будущаго экономическаго расцвѣта свободной Рос. Отрубное, хуторское и мелкое купчее крестьянское землевлаіе совершенно внѣ поля объективнаго горизонта революціи. номически оно не принадлежитъ прошлому. Ѳно буржуазно. жуазная революція, сама не зная для чего, дѣлаетъ сумбурй шагъ, когда посягаетъ—хотя бы на то же хуторское хозяйо. Здѣсь дрязги, а не революція. Столыпинъ нанесъ ударъ ципной націонализаціи и оскорбленный Ветхій завѣтъ мститъ лыпинскимъ созданіямъ. Но что Ветхій завѣтъ, какъ духъ шлаго, не годится для руководства настоящимъ — достаточ- подтверждается реакціоннымъ результатомъ внушенной имъ

ии съ тунгузскимъ лицомъ и монгольскими скулами. Но я увѣ_ ъ, что и въ немъ игралъ атавизмъ переживаній какого-нибудь родителя мурзы Кутлу-Мамета. Говорю о Кутлу-Маметѣ, не какъ расовомъ началѣ, а культурномъ. У И. С. Тургенева, какъ у 40% скихъ дворянъ, въ роду сидитъ Лизунъ-Мурза, выѣхавшій изъ льшой Орды и пожалованный селомъ Спасскимъ. Однако, Лизунъ- рза не помѣшалъ Тургеневу стать съ головы до ногъ русскимъ евроіцемъ, однимъ изъ столповъ той культурной группки, расширить орую въ національномъ масштабѣ призвана война и революція. щенъ, несмотря на жизнь въ Европѣ и европейскую школу, нида не могъ побороть національную, вполнѣ опредѣленную, начин- Въ немъ было много „краснаго извнѣ“ и „сѣро-чернаго внутри“ утлу-Маметъ говорилъ его устами и о туранскомъ мессіонизмѣ, еволюціонности уничтоженія собственности краснымъ пѣтухомъ. пробуйте, послѣ этого, винить внука „камердинера!“

тактики: хуторянинъ-крестьянинъ началъ жать руку сановны помѣщикамъ. Какъ аукнется, такъ и откликнется...

Видя въ національзаціи земли легальное революціонное пра крестьянства получить землю, нельзя забывать, что національзація, заключая въ себѣ право отмѣнить прежнія земельныя пра ва, заключаетъ въ себѣ еще и идею длящагося, активнаго ра поряженія землею центральной властью государства. Останется такая національзація послѣ земельнаго переворота? Вѣчно со противорѣчащая мысль соціалистовъ-революціонеровъ, ни вершокъ не отходя отъ мысли и требованій трудового крестья ства, даетъ весьма характерный и отрицательный отвѣтъ. Земл по трудовой нормѣ, отводится въ срочное и безсрочное пользован Въ срочное, какъ увидимъ ниже для крестьянской бѣдноты и безсрочное для трудового хозяйства. Безсрочное - если хотитс вѣчное. Вѣчность пользованія, превращая пользуемое въ полну собственность, отрицаетъ національзацію. Суверенность частна распоряженія землею, вытекая изъ неотъемлемости правъ пол зованія, повлечетъ за собою — наслѣдованіе, закладъ, куплю, значитъ, и продажу земли. Частная собственность, выгнанная дверь, появляется въ окно и, въ свою очередь, изгоняетъ декре національзаціи.

Ленинъ отвергалъ такую возможность: «Коренная мѣра уни тоженія помѣщичьяго землевладѣнія немыслима безъ того, что «народная» и крестьянская мысль, требующая уничтожен крупнѣйшей разновидности частной поземельной собственност не возставала противъ частной собственности на землю вообщ (Пересмотръ аграрной программы, стр. 21). Слушая подобн рѣчи невольно соглашаешься съ Чаадаевымъ: силлогизмъ нам незнакомъ. Откуда, слѣдуетъ, что возставая противъ «крупнѣ шей разновидности» частной собственности, крестьяне должн непремѣнно возставать противъ частной собственности на земл вообще? Развѣ, ремесленникъ, «возстающій» противъ фабрична производства возстаетъ вообще противъ частной собственност И почему не посмотрѣть проще: крестьяне, возставая проти

пной земельной собственности, не желаютъ ничего большаго, ъ раздробить ее и, округлить, такимъ способомъ свою мелкую ственность? Соціалисты-революціонеры отводятъ такую возможть указаніемъ на общинно-трудовыя воззрѣнія, у Ленина ъ даже и такого отвѣта...

Расшифровывая націонализацію, какъ способъ получить землю ѣною правъ прежнихъ земельныхъ собственниковъ, легко дотить, что завтра, получивъ землю, крестьянство выскажется созданный земельный распорядокъ противъ какого-либо на о посягательства, то-есть вообще юридическаго порядка всй, заключающаго въ себѣ идею права распоряженія землею нѣ. Получивши землю, крестьянство станетъ въ положеніе, алогичное крестьянскимъ группамъ, имѣющимъ уже нынѣ ѣпкое хозяйство и опасающихся посягательства на него съ авнительными намѣреніями. Чѣмъ полнѣе будетъ осуществлять- программа «надѣленія» («самонадѣленія») по «трудовой» омѣ, тѣмъ быстрѣе будетъ умирать и націонализація. Чѣмъ нѣе она будетъ осуществляться, тѣмъ болѣе въ головахъ недольныхъ останется въ видѣ воспоминанія революціонная идея мѣны частной собственности, провозгласившая право на безвмездное полученіе земли. Воспоминаніе, впрочемъ, останется сильно разжиженномъ видѣ: столкнувшись съ реальными возжностями и реальными величинами земельнаго фонда, крестьянво быстро разстанется со многими иллюзіями. Притомъ, наящая революція послѣдняя съ участіемъ въ ней крестьянства, къ таковаго. Въ слѣдующихъ революціяхъ, какъ сила революонная, оно будетъ участвовать не хозяйскимъ элементомъ (онъ ыстъ охранительнымъ, стражемъ созданнаго порядка), а элементомъ пролетарскимъ—«батрацкимъ». Въ деревнѣ кончается поха» соціалистовъ-революціонеровъ, начинается эпоха соціъ-демократіи.

Націонализація земли, въ дѣйственной формѣ, будетъ сущезовать въ переходное время, въ качествѣ юридическаго выраенія порядка, распоряжающагося, вѣрнѣе — «переворачивающаго»

землю. Кончится революціонная перемобилизація земли, умр
и національзація. Въ формѣ государственнаго распоряженія з
лею, изъятой изъ товарнаго обращенія, т.-е. въ формѣ,
нигдѣ не существующей на Западѣ, она, разумѣется, не осущ
вится и у насъ, а осуществится въ формѣ, уже давнымъ да
всюду существующей и существующей раньше чѣмъ у насъ, ро
настолько, насколько буржуазныя революціи Запада предупред
нашу революцію.

Въ какой же?

Отвѣтимъ словами земельнаго закона соціалистовъ-револю
неровъ: «вся земля съ ея водами и нѣдрами будетъ объявл
достояніемъ россійскаго государства». «На пользованіе эт
достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное прав
Списокъ «вѣчныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гр
данина», какъ того и требуетъ нынѣшній товарищъ минис
земледѣлія соціалистъ-революціонеръ Вихляевъ, пополнится «
вымъ правомъ—правомъ на землю».

Позвольте, значитъ, полное осуществленіе программы со
листовъ-революціонеровъ?

Не угодно ли читателю послѣдовать за нами и вмѣстѣ рас
тать хитрозапутанный клубокъ иллюзій и декларацій...

Не мѣшаетъ указать, что наша революція, при звукахъ Марсел
зы, творя нѣчто, якобы неслыханно новое, точка-въ-то
копируетъ французскую. Даже нашъ миръ «безъ аннексій
контрибуцій» мы заимствовали изъ французской конститу
1791 г.: «французская нація отказывается отъ какихъ-л
военныхъ предпріятій съ завоевательными цѣлями и никогда
будетъ дѣйствовать своими силами во вредъ свободы друг
народа». Востокъ копируетъ Западъ съ запозданіемъ на 125 лѣ
Тѣ же красивыя декларацін, такіе же заговоры роялистовъ,
же, только ускоренная, передача власти справа налѣво. Мы у
докатываемся до комитета спасенія революціи и, если либера
ная буржуазія не будетъ умной, а революція—мудрой, докати
до диктатора.

Нашъ Людовикъ Капетъ сидитъ въ Тамплѣ—Царскомъ Селѣ, а въ нашемъ Парижѣ отъ Сіейса, чрезъ жирондистовъ и монтаньяровъ, вплоть до Бабёфа, представлены всѣ политическіе персонажи великой французской революціи. Исторія повторяется и съ тѣми же результатами.

Великая французская революція, провозгласивъ священныя и неотчуждаемыя права человѣка перечислила ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: равенство, свобода, безопасность и собственность. Мы провозгласили равенство и свободу, еще не дошли до провозглашенія безопасности и презрительно уклонились отъ прокламированія «священныхъ правъ» собственности. Русская революція упорно дѣлаетъ видъ, что не желаетъ быть буржуазной и съ ожесточеніемъ кидаетъ направо и налѣво «ругательную» кличку «буржуа». Святая Русь замѣнила новымъ словомъ національно-исконную брань, столь восхитившую Достоевскаго. Всѣ буржуа перестали быть буржуа и растерянная мысль, бродя со свѣчкою въ рукахъ, отыскиваетъ средь бѣлаго дня, въ сотнѣ милліоновъ буржуазіи хотя бы одного «полагающагося по штату» настоящаго буржуа. И чтобъ найти его—Церетелли и Керенскаго превращаютъ въ Рокфелеровъ—министровъ капиталистовъ. Кружится маленькая голова и апокалиптически ожидаетъ наступленія «тысячелѣтняго царства святыхъ». «Слова «буржуй», «буржуазія», пишетъ одинъ корреспондентъ, при чемъ нѣкоторые солдаты пишутъ это мудреное слово такъ «Буржу Азія», не сходятъ съ языка». Вотъ эта самая Буржу Азія и характерна для страны локтемъ опирающейся на Азію....

Ни на минуту не теряя своего объективнаго смысла и значенія, буржуазная революція, говоря словами Маркса, знаетъ, что ея силы и дѣятели, скрывающіе отъ самихъ себя ограниченное содержаніе своей борьбы, нуждаются въ различныхъ формахъ и средствахъ самообмана. «Кромвель и англійскій народъ заимствовали изъ ветхаго завѣта языкъ страсти и иллюзіи для своей буржуазной революціи». Французская революція рядилась въ тогу древняго Рима, а русская революція, копируя французскую,

путаетъ 17 вѣкъ съ 20-ымъ и отдавая дань соціалистической фразеологіи, вытаскиваетъ знамена Ветхаго Завѣта восточной націонализаціи земли. Святое-святыхъ буржуазнаго общества—частная собственность, не смѣетъ появиться безъ маски въ земельномъ законѣ соціалистовъ-революціонеровъ. Она фигурируетъ какъ «пользованіе». Судите, что это за «пользованіе», разъ оно безсрочно, т.-е. вѣчно и за него не можетъ быть взимаемо никакой платы, ни въ ви дѣналога, ни въ видѣ аренды! Соціалисты-революціонеры, какъ мольеровскій герой, о томъ недогадываясь, говорятъ прозой. Ихъ «пользованіе» есть самая настоящая, прозаическая, буржуазная частная собственность и, указывая въ своемъ «законѣ», что собственность, кокетливо называемая «землею пользованія», будетъ находиться въ срочномъ и безсрочномъ распоряженіи, они говорятъ неоспоримѣйшую истину. Въ «срочномъ» пользованіи она у пролетаризующихся общественныхъ слоевъ, въ безсрочномъ и для буржуазнаго общества «вѣчномъ», у хозяйственно-крѣпкихъ и командующихъ классовъ. Таковъ, дѣйствительно, не только земельный законъ, а вообще законъ буржуазно-капиталистическаго развитія ... Природа влетѣла въ окно. Буржуазная революція оказывается не прыгнула выше своей головы и, къ общему удовольствію, все оказалось на мѣстѣ. И неправы кадеты (поскольку они не землевладѣльцы), промышленники и горожане-собственники, смотря съ ужасомъ на соціалистовъ-революціонеровъ, не умѣя понять ихъ объективную сущность также хорошо, какъ понимаетъ, напримѣръ, французская буржуазія своихъ «радикалъ-соціалистовъ». Тутъ, если хотите, трагедія революція. Своя своихъ не познаша, ибо одинъ собственникъ подъ маскою пугаетъ другого, въ результатѣ чего—вредное для революціи затемнѣніе соотношенія реальныхъ (буржуазныхъ) силъ въ странѣ[1])

---

[1]) Благодаря маскѣ соціализма, городская буржуазія совершенно логично и на легальномъ основаніи, можетъ уменьшить въ коалиціонномъ министерствѣ число представителей крестьянства, т.-е. преобладающаго населенія Россіи. Соціализмъ долженъ быть въ меньшинствѣ—это безспорно. А разъ соціалисты-революціонеры не

Испуганная буржуазія, видя паденіе троновъ и трескъ собственности, однако, напрасно приходитъ въ отчаяніе. Трещитъ священная феодальная, а не буржуазная собственность, которая не только не поколеблется, а, наоборотъ, актомъ уничтоженія феодальной собственности лишь укрѣпится въ своихъ священнѣйшихъ и неотчуждаемыхъ правахъ. Прокламированіе ея правъ, что боится сдѣлать крупная буржуазія, превосходно дѣлаетъ мелкая сельская радикальная буржуазія и, между прочимъ, въ той самой деклараціи о соціализаціи, производящей также кошмарное впечатлѣніе на крупную буржуазію. Откройте уши, маловѣрные, и послушайте, что говоритъ виднѣйшій соціалистъ-революціонеръ—Вихляевъ!

— «Необходимо, говоритъ онъ, чтобъ списокъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гражданина пополнился новымъ правомъ—правомъ на землю».

Вѣрно. Восточная національизація земли («та Земля Божья, да Государева») развалилась и исторія, о чемъ мы говорили, начиная нашу работу, привела насъ лицомъ къ лицу къ праву на свободную земельную крестьянскую собственность. Право должно быть прокламировано рядомъ съ политическими правами человѣка и гражданина. Копируя французскую революцію, скопируйте и ея формулу: равенство, свобода, безопасность и собственность, заключающая въ себѣ и право на землю.

«Это право личное, продолжаетъ Вихляевъ, неразрывно связанное съ человѣкомъ, и неотдѣлимо отъ всякой личности въ государствѣ, признавшемъ это право основой своего гражданскаго быта».

Мы не чувствуемъ въ себѣ энтузіазма, чтобъ столь убѣжденно, какъ соціалистъ-революціонеръ Вихляевъ говорить о неотдѣлимости собственности отъ личности (весьма и весьма отдѣлима)!

представители радикальной мелкой сельской буржуазіи, каковы они на самомъ дѣлѣ, а соціалисты, ихъ представительство должно быть ограничено до минимума. Вотъ итоги переодѣванія!

Только ту же мысль русскаго «соціалиста-революціонера» французская буржуазія въ 1793 г. (съ запозданіемъ говоримъ мы міру «еще неслыханныя слова»!) выразила въ слѣдующей формѣ:

«Право собственности принадлежитъ всякому гражданину и заключается въ возможности пользоваться и располагать своимъ имуществомъ, доходами, плодами своего промысла и работы по своему желанію».

«Лицо, облеченное этимъ правомъ, поясняетъ соціалистъ-революціонеръ Вихляевъ, становится въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ въ положеніе совершенно независимое, какъ отъ власти государства, такъ и отъ какого бы то ни было собственника земли. Наоборотъ, на государство возлагается обязанность—обезпечить своимъ правопорядкомъ равное для всѣхъ гражданъ право собственности («право пользованія землей»). Право отдѣльнаго лица ограничено въ своемъ приложеніи къ землѣ исключительно такимъ же равнымъ ему правомъ всякаго другого лица». (Вихляевъ. «Какъ поравнять пользованіе землею»).

Справедливость обязываетъ отмѣтить,—такимъ собственническимъ языкомъ не говорила даже французская революція. Мысли русскаго «соціалиста-революціонера» французская буржуазная конституція 1793 г. облегла въ форму, болѣе прогрессивную.

«Никого нельзя лишить малѣйшей частицы его собственности, безъ его согласія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ общественная надобность, констатированная законнымъ порядкомъ и лишь при условіи предварительнаго и справедливаго возмѣщенія».

Французская конституція подымается до точки зрѣнія возможности ограниченія собственности «законнымъ порядкомъ», русская же «національзація» и «соціализація», устами Вихляева отрицаетъ ограниченіе и яро отстаиваетъ «совершенную независимость» собственности («пользованія») въ особенности отъ власти государства. Иначе и быть не можетъ въ странѣ, изголодавшейся по «независимой» собственности и столѣтіями опекаемой деспотическимъ государствомъ. Востокъ становится Западомъ, и

колоссальная скорлупа аграрнаго орѣха соціалистовъ-революціонеровъ, когда ее раздавливаютъ, очищая отъ сусальнаго золота и всяческой мишуры, обнаруживаетъ не чудеса, полнаго тайнъ и мистики Востока, а его пылкое стремленіе къ прозаической, западно-европейской, «совершенно» свободной буржуазной собственности.

Меркнетъ бенгальскій огонь «соціализаціи» и вещи представляются такими, какими они суть на самомъ дѣлѣ.

«Вся земля съ ея водами и нѣдрами принадлежитъ государству». Совершенно вѣрно—принадлежитъ, но реальное право, суверенно распоряжаться достояніемъ государства, принадлежитъ не «народу вообще», не «Государству Россійскому», а классамъ и группамъ, которымъ оно попадетъ во время земельнаго переворота.

«На пользованіе этимъ достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право.» Все столь же абсолютно вѣрно, какъ и то, что утверждала французская декларація 1793 г.: «люди рождаются и остаются свободными и равноправными». Метафизически всѣ свободны и равноправны; реально, физически, соціально-политически, они и не свободны, и не равноправны, о чемъ авторамъ земельнаго закона с.-р. могъ бы разсказать Черновъ, много пожившій во Франціи. На общее достояніе имѣютъ равное право граждане и гражданки, не моложе 20 лѣтъ (проектъ Новожилова). Съ равнымъ правомъ подобное равное право, не измѣняя фактическаго положенія дѣлъ, можно предоставить гражданамъ, недостигшимъ и семилѣтняго возраста. Ничто не измѣняется отъ потрясанія соціальнаго воздуха деклараціонной, іерихонской трубою. И, право, мы со смѣхомъ, читаемъ каракули въ газетѣ «Земля и Воля» (№ 77) семилѣтней гражданки Евгеніи Ратнеръ. Что даетъ, спрашиваетъ ребенокъ, соціализація земли городскому рабочему, и по шпаргалкѣ партійнаго Марго, не думая, отвѣчаетъ: «она дастъ ему обезпеченность. Когда фабрика выброситъ его безработнымъ на улицу, онъ будетъ знать, что у него есть въ запасѣ капиталъ, его право на землю. Въ любой моментъ онъ

имѣетъ право приложить свой трудъ къ землѣ. Его завтрашній день обезпеченъ». Евгенія Ратнеръ, какъ ребенокъ съ хорошими задатками, но испорченный ложнымъ партійнымъ воспитаніемъ по методу дѣдушки Хомякова, не догадывается, что нельзя пахать землю перочиннымъ ножикомъ, что «безработному» нужны не деревянныя лошадки и не игрушечный домикъ, а капиталъ, который ему даетъ ребенокъ, не капиталъ, а просто старый трамвайный билетикъ.

Куда же дѣвалась національзація, признанная нами осуществившейся? Она исчезла и въ то же время осталась, какъ кантовская «вещь въ себѣ». Отыскивая ея мнимое исчезновеніе, нужно принять во вниманіе, что «національзація» земли существуетъ во всѣхъ государствахъ. Во всѣхъ государствахъ земля, воды и нѣдра земли, находясь въ томъ или иномъ фактическомъ распоряженіи тѣхъ или иныхъ классовъ, принадлежатъ государству, какъ совокупности этихъ классовъ. Весь вопросъ въ томъ, какое это государство. Людовикъ XIV, представляя французское государство, говорилъ: государство — это я. Французская буржуазія, свергая Людовика, конфискуя и распродавая церковныя, монастырскія и дворянскія земли какъ опору Людовиковъ, сказала: мы.

Московскіе и петербургскіе цари, возглавляя по византійско-ордынскому образцу Россію, говорили, что государство, это — ихъ вотчина, а власть ихъ «подобна Вышнему Богу». Ставленники и подручники Господа Бога, они служили высшимъ источникомъ суда и милости для подвластныхъ имъ людей. Національзація въ такой странѣ носила характеръ активнаго распоряженія землею деспотической властью. При деспотической національзаціи, земля, изъятая изъ свободнаго обращенія, является предметомъ временнаго пользованія, подлежащимъ неукоснительному надзору со стороны своевольнаго центральнаго ока.

Буржуазная революція, свергая царизмъ, передвигаетъ землю отъ прежнихъ пользователей къ новымъ и осуществляетъ національзацію, свойственную буржуазіи. Въ противовѣсъ распоряженію землею изъ центра властью самодержавія, буржуазное госу-

дарство передаетъ активное распоряженіе «на мѣста», въ руки каждаго собственника земли, объявляя право распоряжаться ею священнымъ и неотчуждаемымъ правомъ человѣка и гражданина. Свободная собственность «неотдѣлима» отъ свободной личности. Съ уничтоженіемъ сословій уничтожается сословная собственность. Собственность, какъ личность, совершенно независима и, наряжаясь въ всеобщій костюмъ, свободно ходитъ въ видѣ товара. Въ этотъ и заключается буржуазная національзація земли, какъ историческая форма состоянія «всеобщаго» достоянія. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ о типахъ національзаціи, взятыхъ отвлеченно въ ихъ чистомъ и совершенно законченномъ соціально-политическомъ строеніи, не затемненномъ промежуточными формами и конструкціями. Между феодальной національзаціей, напримѣръ, и восточно-деспотической, конечно, большое различіе, но мы не будемъ осложнять вопроса.

На ряду съ этими двумя историческими типами національзаціи, какъ то, чего еще нѣтъ нигдѣ полностью осуществленнымъ, но то, что можно ясно предвидѣть научно, вырисовывается третій типъ національзаціи—пролетарски-соціалистической. Пролетарская національзація отрицаетъ анархію свободнаго, ничѣмъ неограниченнаго, распоряженія общимъ достояніемъ и передаетъ его во имя общаго блага подъ раціональный контроль. Буржуазія, городская и сельская, представляя собою большинство населенія, отмѣняютъ законы самодержавія. Пролетаріатъ, ставшій большинствомъ въ государствѣ, отмѣняетъ законы буржуазіи. Происходитъ отрицаніе отрицанія: тезисъ—антитеза—синтезъ. Въ феодально-деспотическомъ строѣ правитъ дворянское меньшинство, земля изъята изъ обращенія и распоряженіе ею деспотически ограничено. Въ буржуазно-капиталистическомъ строѣ правитъ буржуазное большинство, съ теченіемъ времени, превращающееся въ меньшинство; земля въ свободномъ обращеніи и собственникъ дѣлаетъ съ нею, что хочетъ и какъ хочетъ. Соціалистическій строй созидаетъ пролетаріатъ, ставшій большинствомъ въ буржуазномъ обществѣ и уничтожающій дѣленіе общества на классы.

Земля, нѣдра, всѣ средства производства изъемлются изъ свободнаго, анархическаго обращенія, дѣлаются всеобщимъ достояніемъ и поступаютъ въ распоряженіе общественныхъ органовъ для организаціи въ общихъ интересахъ раціональнаго производства и, между прочимъ, «сознательнаго раціональнаго воздѣлыванія земли, какъ общей вѣчной собственности, неотчуждаемаго условія существованія и воспроизводства для ряда смѣняющихся человѣческихъ поколѣній» (Марксъ).

Въ деспотіи земельная собственность юридически принадлежитъ деспоту; въ буржуазномъ строѣ она раздроблена между всѣми собственниками; въ соціалистическомъ строѣ—собрана и сдѣлана всеобщимъ достояніемъ. Но, какъ между самодержавно-феодальной и чистымъ типомъ буржуазной національзаціи существуютъ промежуточныя формы (напримѣръ, земельныя отношенія въ Россіи между 1861 г. и 1905 г., земельныя отношенія въ странахъ съ остатками сильнаго феодальнаго владѣнія), такъ существуютъ промежуточныя формы и между буржуазной національзаціей земли и законченной пролетарской. Земля и нѣдра могутъ быть изъяты (и уже изъемлются) изъ свободнаго обращенія—частично и полностью—еще до окончательной побѣды соціалистическаго пролетаріата, но подобное возможно лишь въ странахъ, гдѣ промышленное населеніе (городское, буржуазное и пролетарское) превышаетъ сельское. За изъятіе земли изъ частнаго распоряженія, промышленная буржуазія можетъ выступать вмѣстѣ съ пролетаріатомъ противъ земледѣльца, а за изъятіе нѣдръ (каменно-угольныя, желѣзныя копи) пролетаріатъ вмѣстѣ съ земледѣльцемъ противъ промышленной буржуазіи. Всѣ такія комбинаціи, ясно, могутъ быть производимы при весьма высокой степени капиталистическаго развитія, на что въ свое время и указывалъ Марксъ.

Въ какой же изъ этихъ трехъ типовъ національзаціи пришла Россія? Съ 1861 г., сначала медленной поступью, потомъ ускоряемой капиталистическимъ развитіемъ страны, она подходитъ къ буржуазной національзаціи и втаскивается въ нее 1905 и

1917 гг. Она приходитъ къ націонализаціи, торжественно, но безсознательно, устами соціалиста-революціонера Вихляева—прокламирующей «независимую, отчуждаемую собственность», каковую, понятно для всякаго мыслящаго исторически, она прячетъ подъ видомъ «безсрочнаго» пользованія въ карманѣ общиннаго владѣнія. Это путь западнаго развитія. Такое положеніе въ корнѣ отрицается національной русской мыслью, всегда утверждавшей, и нынѣ, въ самыхъ причудливо-разнообразныхъ формахъ, крѣпко продолжающей вѣрить, будто Россія подчинена особымъ, отличнымъ отъ Запада, законамъ развитія[1]). «Зачѣмъ итти западнымъ путемъ, когда мы напередъ знаемъ секретъ исторіи». Если насъ раскуютъ, мы не пойдемъ по западному. «Хорошіе ученики переводятся черезъ классъ» (Герценъ). Можно уйти отъ буржуазной націонализаціи, говоритъ программа соціалъ-революціонеровъ, опираясь «въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ» на общинныя и трудовыя воззрѣнія крестьянства, на распространенное среди него убѣжденіе, что земля «ничья» и не является товаромъ.

Я уже касался этого комплекса элементовъ вѣры и считаю нужнымъ остановиться на немъ еще разъ, чтобы показать, какъ рядомъ съ объективно-революціоннымъ остовомъ аграрной программы, у соціалистовъ-революціонеровъ, подчиненныхъ кошмару традицій мертвыхъ и обязанныхъ (что внѣ ихъ воли!) отдать дань національному прошлому, выстраивается фантастическая, реакціонная «избушка на курьихъ ножкахъ», міръ сказокъ о «грозномъ царѣ», «Колдунѣ», «Бабѣ-ягѣ» и т. д.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;

[1]) Пламенно бушуетъ восточный мессіанизмъ у Н. Ленина, типично русской фигуры. Послушайте, что онъ говорилъ о Совѣтахъ на всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ: „Я васъ спрашиваю, есть ли такая страна въ Европѣ, буржуазная, демократическая, республиканская, гдѣ бы существовало что-нибудь подобное этимъ совѣтамъ? Нигдѣ подобнаго учрежденія не существуетъ и существовать не можетъ“ („Правда“ № 82).

Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!

Русью пахнетъ потому, что въ костюмѣ реалиста и атеиста соціалиста-революціонера встаетъ глубоко-національный, культурно-историческій типъ страны чудотворцевъ, чудесъ и чудотвореній, церквей, мощей и монастырей, иконъ, заговоровъ и молебновъ. Какъ жрецы, возсылая моленія, опираются на воззрѣнія давно прошедшихъ временъ и шепчутъ формулы, заимствованныя изъ Византійскаго Востока, такъ соціалисты-революціонеры «заговариваютъ» и направляютъ экономическое развитіе страны, по желательному имъ идеалу, молебнами общинно-трудовому началу.

Отъ буржуазной національизаціи они хотятъ перелетѣть къ соціалистической, опираясь на элементы психологіи изъ деспотической національизаціи! Развѣ это не чудеса? Но чудеса, о которыхъ безсознательно вспоминаютъ въ странѣ, гдѣ деспотическая власть грознаго царя искони творила чудеса по собственному усмотрѣнію. «Русская жизнь натолкнулась на русскій вопросъ, а по-нѣмецки его разрѣшить нельзя» (Герценъ). И вотъ рѣшаютъ по-русски. «Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, въ казематахъ — мы прожили западную исторію». Зачѣмъ повторять ее? Не лучше ли «подъ хлыстомъ» обскакать «въ объѣздъ?» Занявъ вакантное мѣсто ушедшаго деспота, нужно самодержавно «предписать» странѣ, насильно миновать ненавистный путь западнаго, нѣмецкаго развитія. «Русскій человѣкъ, сосредоточивая всѣ свои силы въ работѣ, въ три дня можетъ сдѣлать больше, чѣмъ осторожный нѣмецъ не сдѣлаетъ въ тридцать» (И. Кирѣевскій). Путь медленнаго, естественнаго развитія страны подмѣняется форсированнымъ процессомъ въ головѣ меньшинства мыслящихъ людей. Но эти люди скверно мыслятъ: задавленные тяжелымъ національнымъ гнетомъ, они типичные дѣти самодержавія и ученики церковно-приходской школы, проповѣдующей чудеса [1]). Собственническій инстинктъ, получившаго

[1]) Ихъ много въ Россіи. Она забита ими.

землю крестьянина, они намѣреваются, какъ колдующая Баба-Яга, выкурить особымъ порошкомъ изъ пыли прошлаго. Тогда онъ не былъ буржуа, а былъ человѣкомъ феодальнаго строя и вотъ идеологическую «вытяжку» докапиталистическаго, небуржуазнаго строя, они хотятъ впрыскивать подъ черепъ крестьянину-буржуа, чтобъ, примѣняя извѣстное выраженіе, онъ «шелъ задомъ напередъ». И въ этомъ, и другихъ отношеніяхъ соціалисты-революціонеры типичные послѣдователи славянофиловъ. Тѣ, вслѣдъ за жрецами и самодержавіемъ, консервировали православіе, какъ совокупность идеальныхъ нормъ и идеальныхъ предписаній; эти, вслѣдъ за славянофилами, консервируютъ общинное православіе, видя въ немъ опору противъ антибуржуазныхъ чувствъ. Буржуа долженъ перестать быть буржуа. Но они не догадываются, что подобное чудо производится не «заговоромъ», а общественнымъ развитіемъ экономикой. Собственникъ средствъ производства перестаетъ быть буржуа, когда подымаетъ возмущеніе противъ частной собственности на средства производства. Владѣлецъ собственности противъ себя не бунтуетъ. Противъ частной собственности на средства производства стоятъ не тѣ, кто ими владѣетъ, а тѣ, кто ихъ не имѣетъ или ихъ лишается...

Стефановичъ въ свое время хотѣлъ «сдѣлать» соціальную революцію въ Россіи, опираясь на царское имя, соціалисты-революціонеры хотятъ отчалить отъ буржуазной націонализаціи, отгребаясь элементами царевой націонализаціи земли... Дѣти православнаго, хотя и революціоннаго Востока, вѣчно полнаго вѣры въ сверхъестественныя силы, выдуманныя незрѣлымъ сознаніемъ, они не могутъ понять, что не по сознанію выстраивается общественное бытіе, а по бытію сознаніе. Нельзя выстроить будущее, подпирая его прошлой психологіей.

При построеніи соціалистическаго строя въ Россіи, будущіе и весьма далекіе строители его не воспользуются ни однимъ атомомъ воззрѣній временъ Андрея Боголюбскаго, Ивана Грознаго или Александра II-го. Въ моментъ своей реализаціи соціализмъ будетъ «опираться» на тотъ экономическій базисъ, который онъ найдетъ,

а не на идеологическія фотографіи старыхъ экономическихъ основъ. «Строители» будутъ пользоваться не воззрѣніями жизни, стоящей за спиною, не воззрѣніями каменьщиковъ Владимірской губерніи, хотя, по свидѣтельству лѣтописей, они искони каменьщики (въ 12 вѣкѣ ростовцы говорили про Владимиръ: «тамъ живутъ наши холопы каменьщики»), а ихъ сопровождающими взглядами въ часъ великаго строительства. И степень соціализаціи общества будетъ опредѣляться не «соціализаціей» «соціалистовъ»-революціонеровъ, не количествомъ мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, сладко дышущихъ святымъ общинно-трудовымъ духомъ («царство зипуна и всѣхъ благъ съ нимъ сопряженныхъ»,—писалъ въ 1846 г. Чаадаевъ), а количествомъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, подавляющей численностью пролетаріата, его культурной, духовной зрѣлостью, его политической и хозяйственной подготовленностью быть строителемъ новой жизни. Словомъ, обратная пропорціональность; чѣмъ больше въ странѣ независимыхъ трудовыхъ хозяевъ, «соціализированныхъ» (по рецепту гг. народниковъ) мѣщанъ земледѣлія—тѣмъ дальше соціализмъ. Теорія соціалистовъ-революціонеровъ — о тождествѣ интересовъ рабочаго класса, крестьянства и интеллигенціи, рожденная въ предвкушеніи глубокихъ потребностей революціи, будучи объективно неоспоримо полезнымъ лозунгомъ единства революціонной демократіи, не идетъ дальше сегодняшняго дня и уже сегодня съ трескомъ скрипитъ (отношеніе къ хлѣбной монополіи, топливу и т. д.).

Все, на что хочетъ «въ интересахъ соціализма» опереться партія соціалистовъ-революціонеровъ, все отъ стараго, стоящаго въ исторической связи съ извѣстной поговоркой: «мы господскіе, земля наша, и каждый работникъ имѣетъ право на даровую землю». «Счастье, говорилъ Герценъ, что мужикъ остался при своей нелѣпой поговоркѣ». Счастье!—поддакиваетъ эхо соціалистовъ-революціонеровъ. Русская община, говорилъ въ 1842 году дѣдушка Хомяковъ, заключаетъ, вмѣстѣ съ Саровской пустыней, тайну русскаго величія. Заключаетъ—отвѣчаетъ эхо революціон-

ныхъ внучатъ. Распространенная на всю Россію, она разрѣшаетъ аграрный вопросъ въ формахъ, приближающихъ насъ семимильными шагами къ соціализму. Русскій поселянинъ, говорилъ Хомяковъ, застрахованный общиной, не былъ не долженъ и не можетъ быть пролетаріемъ... Не долженъ и не можетъ быть — откликаются соціалисты-революціонеры. «У него есть въ запасѣ капиталъ—его право на землю. Его завтрашній день обезпеченъ».

Такъ, черезъ 75 лѣтъ голосамъ изъ гроба отвѣчаетъ эхо голоса крови. Наслѣдники салютуютъ предкамъ. Перекликаются дозорные исторической связи и будятъ святыхъ покойниковъ на далекомъ Византійскомъ Востокѣ. И изъ гробовъ выходятъ схимники и желтой, высохшей рукой указываютъ на соціалистовъ-революціонеровъ: наши, вѣруютъ въ чудо! Историческая цѣпь сомкнулась, всѣ звенья налицо. А что же Западъ?

Западъ понимаетъ, съ какимъ трепетомъ ожидаетъ душа докапиталистическаго, сельскаго, общиннаго Востока новаго царя—Капитала. Западъ насмѣшливо смотритъ на священные амулеты, четки, общинныя формулы заклинаній, которыми «соціалъ-революціонный» Востокъ хочетъ отчураться отъ буржуазной національизаціи, чудесно и безболѣзненно перелетѣвъ въ соціалистическій рай, гдѣ нѣсть печали и воздыханій. И Западъ знаетъ, буржуазная національизація, осмотрѣвъ все, что въ «интересахъ соціализма» выставляетъ противъ нея испуганная восточная мысль, можетъ спокойно и увѣренно сказать:

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ, не дряхлому Востоку
Покорить меня!

Разсматривая амулеты соціалистовъ-революціонеровъ мы оставили въ сторонѣ одно ихъ указаніе: по крестьянскому взгляду—«земля не товаръ» и «продаваться не можетъ».... Съ перваго взгляда кажется, подобный взглядъ, приводящій къ ограниченію свободнаго товарнаго обращенія земли, рѣзко противорѣчитъ основнымъ принципамъ буржуазнаго общества и увлекающіеся

люди уже съ восторгомъ говорили о «соціалистическихъ чувствахъ» всеукраинскаго крестьянскаго съѣзда, гдѣ всѣ присутствующіе съ экстазомъ пѣли «Заповіт» въ честь Шевченко, указывавшаго — «земля не товаръ» и «торговать землею невозможно». Развѣ здѣсь не слышно соціализма? Развѣ соціализмъ не говоритъ объ отмѣнѣ частной собственности на землю, ссылаясь на неопровергаемое положеніе—земля не товаръ, не произведеніе рукъ человѣческихъ? Пѣсни украинскихъ подворниковъ также похожи на соціализмъ, какъ слышанное Гретхенъ отъ патера, похоже на пантеистическую теорію Фауста. «Намъ это патеръ также объясняетъ, немножко лишь въ другихъ словахъ».

Конкретно, въ данной исторической обстановкѣ, пылко поддерживаемая крестьянствомъ теорія — земля не товаръ и продаваться не можетъ, говоритъ болѣе всего о желаніи получить этотъ товаръ даромъ. Крестьянство не желаетъ, чтобъ земля, которую оно намѣрено «пріобрѣсти», была признана за товаръ, какъ всякій товаръ, подлежащій оплатѣ. Земля не должна быть товаромъ, а, значитъ, за нее и не нужно платить. И революція на то и революція, что слышенъ «гласъ народа!»

Представимъ себѣ, земля «даромъ» перешла къ крестьянству, разошлась по общинамъ, сдѣлавшись фундаментомъ консолидировавшагося буржуазнаго общества. Для тѣхъ, кто, получивъ землю, работаетъ на ней, она, конечно, не стала товаромъ. Она не товаръ потому что не продается, не выбрасывается на рынокъ. Она кормитъ земледѣльца, онъ мечтаетъ не разстаться съ нею, а увеличить земельный участокъ, наиболѣе выгоднымъ и, въ качествѣ «идеала», даровымъ путемъ, до трудовой нормы, до занятія всѣхъ рабочихъ силъ своей семьи. Земля не товаръ — съ точки зрѣнія трудового крестьянина и съ его же точки зрѣнія право на землю имѣютъ лишь тѣ, кто обрабатываетъ ее собственнымъ трудомъ. Въ тезѣ есть своя антитеза. Земля не товаръ съ точки зрѣнія трудового крестьянства и болѣе чѣмъ для кого-либо она любимый товаръ. О страсти къ земельнымъ округленіямъ писалось достаточно. Экономически понятная, она понятна и съ психо-

логической стороны; по крайней мѣрѣ, польскій писатель Владиславъ Реймонтъ въ изумительномъ романѣ «Мужики» сдѣлалъ все возможное, чтобъ высвѣтлить фибры земельной страсти. Стремясь къ землѣ, крестьянство стремится пріобрѣсти ее даромъ. Въ буржуазномъ обществѣ, устами самого же крестьянства, провозгласившаго священную неприкосновенность собственности, такіе пути весьма ограничены. Кромѣ полученія наслѣдства, всѣ остальные пути платные, и вотъ мы видимъ, повсюду на Западѣ главнымъ покупателемъ земли являются именно трудовые хозяева, предлагающіе за землю наиболѣе высокія цѣны. Въ обстановкѣ капиталистическаго строя взглядъ трудового крестьянина подвергается полному измѣненію: земля изъ не-товара превращается въ любимѣйшій товаръ и крестьянинъ мечтаетъ не объ изъятіи товара изъ рыночнаго обращенія, а, наоборотъ, чтобъ рынокъ былъ до-верху, въ изобильи забитъ земельнымъ товаромъ по самой дешевой цѣнѣ. Тутъ порогъ превращенія количества въ качество.

Округленіе земельнаго участка имѣетъ своей тенденціей не только довести его до «трудовой нормы», но и перевести его чрезъ трудовую грань. Покупая землю, «трудовой» крестьянинъ принужденъ покупать и рабочую силу; участокъ настолько возросъ, что собственными силами, въ особенности при развитіи трудоемкихъ культуръ, обработанъ быть не можетъ. Эмбріонъ докапиталистическаго, добуржуазнаго, не продающаго и не покупающаго ни землю, ни рабочую силу трудового крестьянина вылѣзаетъ изъ куколки. Происходитъ новое отрицаніе прежняго отрицанія, будто земля только у тѣхъ, кто ее лично обрабатываетъ. Полная аналогія съ біологическимъ развитіемъ, когда личинка въ процессѣ метаморфозы отбрасываетъ органы, вызванные приспособленіемъ къ личиночному образу жизни и замѣняетъ ихъ органами необходимыми для новой среды. Что въ тяжелыхъ мукахъ копошилось въ темную ночь царизма, представлялось толстовскимъ Акимомъ въ предразсвѣтномъ сѣромъ туманѣ и горѣло красками «соціализаціи» въ моментъ краснаго восхода, при холодномъ блескѣ полуденнаго капиталистическаго строя носитъ

болѣе чѣмъ прозаическій видъ мелкаго буржуа, пробирающагося въ капиталисты... Мы не стоимъ на его точкѣ зрѣнія, онъ «не герой нашего романа», но пусть ничто не мѣшаетъ намъ видѣть, что въ исторіи общественнаго развитія онъ сыгралъ и играетъ роль въ тысячу разъ болѣе почетную, чѣмъ святой русской народнической интеллигенціи—толстовскій богоносный Акимъ съ его непротивленіемъ злу, разными примитивными «правдами-справедливостями» и уравнительнымъ «по-божески» землепользованіемъ...

При діалектическомъ разсмотрѣніи вещей трудовое хозяйство не реальная величина, а идеально-математическая точка равновѣсія качающагося маятника. Маятникъ качается вправо и упирается въ капиталиста, въ кого онъ упирается, качаясь влѣво?

Даромъ получить землю въ буржуазномъ обществѣ, сказали мы, возможно лишь съ помощью наслѣдства. Самое выгодное изъ нихъ отъ американскаго дяди. Въ изобиліи существуя въ романахъ для дѣтей старшаго возраста, они болѣе чѣмъ рѣдки въ природѣ.

Въ жизни «даровое» наслѣдство приходитъ другимъ путемъ. Какимъ и что изъ той «мечты» получается? Крестьянинъ оставляетъ землю семьѣ и семья (уплативъ пошлины—все же не даромъ!) дѣлитъ полученное наслѣдство. Если раньше земельное наслѣдство превышало трудовую норму, то раздѣломъ оно дробится и изъ трудового хозяйства превращается въ парцеллярное. Чѣмъ больше въ странѣ приростъ населенія (а сельскохозяйственныя страны въ этомъ отношеніи обгоняютъ капиталистическія), тѣмъ, при слабомъ отвлеченіи промышленностью свободныхъ рукъ отъ земледѣлія, неизбѣжнѣе парцелляція земледѣльческихъ хозяйствъ. Примѣръ—Франція, гдѣ «мальтузіанизмъ» и остановка роста населенія не отъ «развращающаго вліянія» Парижа, а какъ слѣдствіе біологическаго приспособленія къ экономической средѣ, — желанія избѣжать тягостной парцелляціи. Одни изъ владѣльцевъ парцеллярнаго хозяйства стремятся возстановить нарушенное хозяйственное равновѣсіе и возстанавливаютъ съ помощью доведенія имѣющагося участка вновь до трудовыхъ размѣровъ, а, если возможно, конечно и дальше. Другіе, не имѣя

подобной возможности, остаются въ предѣлахъ парцеллярнаго хозяйства, все болѣе и болѣе теряющаго свой хозяйственный обликъ и вѣсъ.

Парцелляція хозяйствъ съ одной стороны, а съ другой надрывной ростъ трудовыхъ хозяйствъ, платящихъ бѣшеныя деньги за землю и организующихъ для самоподдержки всѣ виды кооперативной самопомощи, совершенно закономѣрные процессы въ сельскомъ хозяйствѣ страны, объятой вліяніемъ капитализма.

Не останавливаясь на коопeрующемся крестьянскомъ хозяйствѣ, остановимъ свое вниманіе на парцеллярномъ. Положеніе его достаточно извѣстно. Самостоятельное сельское хозяйство для него обуза и онъ прикованъ къ нему какъ рабъ къ галерѣ. Онъ не вырабатываетъ въ немъ даже «потребительную норму», и все болѣе и болѣе принуждается къ продажѣ рабочей силы. Наступаетъ моментъ, когда и здѣсь «количество» переходитъ въ «качество». Снимается куколка крестьянскаго обличья и «крестьянинъ» окончательно становится пролетаріемъ; фабрика даетъ ему больше чѣмъ иллюзія собственнаго хозяйства.

Имѣетъ ли онъ право, если захочетъ, продать свой клочекъ земли? На вопросъ нужно отвѣтить полнымъ недоумѣнія контръвопросомъ:—а почему нѣтъ? Почему, пролетарій-крестьянинъ долженъ свой участокъ кому-то отдать даромъ и, напримѣръ, подарить сельской буржуазіи? Вотъ—въ томъ-то и дѣло, ясное на Западѣ, оказывается неяснымъ для т. н. соціалистовъ-революціонеровъ» на Востокѣ. Въ свой земельный законъ они вносятъ параграфъ 9, пунктъ 3, которымъ, уходящіе изъ общины пролетаріи, обязываются даромъ передавать свои надѣлы въ руки остающихся, т.-е. мелкой буржуазіи. «Частно-трудовые пользователи, заявляютъ ея искусные адвокаты, при остановленіи занятія земледѣліемъ, сдаютъ пользуемые участки въ распоряженіе общины, при чемъ въ теченіе сроковъ, особо закономъ для разныхъ мѣстностей и промысловъ устанавливаемыхъ, сохраняютъ за собою право на пользованіе землей въ данной общинѣ, по истеченіи же таковыхъ сроковъ сохраняютъ лишь общее право на надѣленіе землей каждаго гражданина».

Что можетъ значить для уходящаго пролетарія пресловутое напоминаніе о равныхъ правахъ, мы уже знаемъ. Звонкая фраза говорливаго адвоката не измѣняетъ положенія дѣлъ. Суть въ томъ, что пролетарію не выдается ни надѣла, ни, если признаются неприкосновенными общинныя земли, денежнаго эквивалента. Пролетарій просто «сдаетъ» «пользуемый» участокъ и, поклонившись, уходитъ. Дверь общины крѣпко захлопывается и остающіеся (кто?), пожавъ руку адвокату, садятся за столъ для дѣлежа полученнаго даромъ земельнаго куска. При этихъ условіяхъ, они, конечно, стоятъ за «срочное пользованіе» противъ собственности и за то, что «земля—не товаръ», за который надо платить. У нихъ-то у самихъ земля въ «безсрочномъ пользованіи» и они сами только и думаютъ о томъ, какъ его округлить повыгоднѣе. На Западѣ какъ мы видѣли, это дѣлается покупками, на Востокѣ же изобрѣтаютъ ловко замаскированную мышеловку изъ параграфа 9-го, позволяющаго «огораживаніе» пролетаріата на самомъ легальномъ основаніи. Мелкая буржуазія, какъ крупная, никогда не перестаетъ быть буржуазіей. Положеніе сельскаго пролетаріата было бы невыносимымъ, если хоть на минуту допустить, что въ добавленіе къ статьѣ 9, прошелъ еще законъ, о которомъ поговаривали соціалисты-революціонеры: запрещеніе наемнаго труда въ деревнѣ. Полупролетарій крестьянинъ, сводящій концы съ концами на своемъ крошечномъ хозяйствѣ исключительно продажей рабочей силы, былъ бы принужденъ или изподтишка продаваться мелкой буржуазіи, изъ милости, принимающей его за грошевую плату въ обходъ закона (очень для нея выгоднаго!) или же, не озираясь, бѣжать изъ деревни, сдавъ «даромъ» свой участокъ остающимся на мѣстѣ, и насмѣшливо улыбающимся, настоящимъ хозяевамъ общинной земли.

Такіе законы, высоко паря въ надзвѣздной области «соціализаціи», измышляла мысль, привязанная тѣломъ къ земнымъ интересамъ «трудового» не покупающаго ни землю, ни рабочую силу крестьянина. Ея законодательные наброски не случайны, какъ не случайна изнанка соціализаціи, взявъ «соціализацію»

въ ея реальномъ значеніи, а не на фонѣ утопическихъ картинъ. Нельзя одновременно соединять точку зрѣнія пролетаріата и точку зрѣнія мелкаго трудового хозяина. Или-или. Или будьте соціалъ-демократіей, или, отбросивъ павлиньи перья соціализма, открыто станьте радикальной партіей мелкой сельской и городской буржуазіи, а въ ней до безконечности нуждается Россія и русская революція. Маскарадовъ не нужно! Они извращаютъ реальное соотношеніе силъ, обманываютъ и пролетаріатъ, и городскую буржуазію, наносятъ удары и революціи, и соціализму!

Въ соціализмѣ соціалистовъ-революціонеровъ нѣтъ соціализма. Узкая защита интересовъ мелкой сельской буржуазіи и реакціонный, историческій, славянофильскій взглядъ на общину,— вмѣстилище всякой добродѣтели и благодати («уравненія»), имъ продиктовали такой законъ о выходѣ изъ общины, что рядомъ съ нимъ Столыпинскій законъ кажется оплотомъ прогресса.

Два слова, мимоходомъ, о Столыпинѣ. Онъ былъ утопистомъ, какъ всякій русскій, а, въ качествѣ слуги самодержавія—утопистъ вдвойнѣ. Онъ хотѣлъ убить, опасную для царизма, общинную «соціализацію» соціалистовъ-революціонеровъ, создавая въ противовѣсъ буржуазную собственность въ ея завершенномъ «хуторскомъ» нарядѣ. Онъ не желалъ понять, а соц.-революціонеры не могутъ понять, что здоровую, полнокровную и полнотѣлую буржуазную крестьянскую собственность дастъ Россіи, именно, «соціализація», если оперативно снять съ нея болѣзненные и реакціонные наслѣдственные, иллюзорные наросты. Въ ретортѣ царизма Вагнеръ самодержавія выращивалъ въ сторонкѣ отъ общины малокровныхъ хуторскихъ гомункуловъ, а собственность, въ настоящемъ видѣ, родится, естественнымъ путемъ, изъ нѣдръ той же общины.

Соціалисты-революціонеры, представляя себѣ Россію, какъ массу ожившихъ великорусскихъ общинъ, передаютъ въ ихъ руки всѣ отчужденныя земли для организаціи правильнаго пользованія по уравнительному образцу. Основной ячейкой, вѣдающей пользованіе, территоріальная община, включающая одно или нѣскол-

ко поселеній. Остальныя учрежденія высшихъ инстанцій слѣдятъ за закономѣрностью распредѣленія и соблюденіемъ уравнительности, въ предѣлахъ уѣзда, губерніи, области, государства. Ихъ роль сводится къ идеализаціи роли бывшаго земскаго начальника, обязаннаго закономъ 1893 г. наблюдать за внутриобщиннымъ пользованіемъ. Процессъ мысли, разукрасившій допотопную національзацію и нищенскую «соціализацію» — не позабылъ и земскаго начальника, отнеся его облагороженныя функціи къ коллегіямъ избраннымъ всенародно... Отъ надстройки іерархіи уравнительныхъ учрежденій не останется ни малѣйшаго слѣда воспоминаній; жизнь раздавитъ подобную фантастику какъ надувшійся мухоморъ.

Общины оживутъ не для *передѣловъ*, а для *передѣла*. «Общины», не въ смыслѣ народническаго братства подъ флагомъ союзно-трудового начала, а простой совокупности гражданъ, населяющихъ данное селеніе и въ данный моментъ, связанныхъ другъ съ другомъ общностью интересовъ и нѣкоторыхъ предположеній. Остановимся на этомъ.

Есть три ближайшихъ пути рѣшенія земельнаго вопроса. Первый. Чрезъ Крестьянскій Банкъ, нотаріуса, съ помощью прирѣзокъ къ общинамъ ряда отчужденныхъ и проданныхъ по «справедливой цѣнѣ» разныхъ угодій. Методомъ рѣшенія — *распродажа* земельныхъ имуществъ, а его политической предпосылкой — побѣда контръ-революціонныхъ силъ въ союзѣ съ реакціонными. Можетъ быть, какая-нибудь диктатура или реставрація. Хозяинъ положенія все равно будетъ принужденъ спѣшно передвигать землю, дабы забить источники революціи, засыпать ея ключи, скорѣе сломать ея основную пружину. Это повтореніе въ расширенномъ видѣ земельныхъ операцій послѣ 1906 г. и этого хотятъ всѣ смотрящіе вправо.

Второй путь — государственная, планомѣрная, организованная передача «всей земли въ руки трудящихся», по плану, принятому Учредительнымъ Собраніемъ, съ учетомъ экономическихъ и финансовыхъ соображеній, «интересовъ всего народнаго хозяйства,

поставленнаго выше отдѣльныхъ группъ населенія». Планомѣрная передача площади, величиною съ Францію (40—45 милліоновъ десят.), совершенно безспорно—дѣло добраго десятка лѣтъ. Политической предпосылкой ея—полное и длящееся торжество революціонной демократіи, опирающейся на спокойно выжидающее и принимающее землю крестьянство. Это—господство революціи при нереволюціонномъ состояніи революціонныхъ силъ, высокой степени народной выдержки, сознательности и исчезновеніи куда-то все усиливающихся реакціонныхъ и контръ-революціонныхъ силъ. Долженъ откровенно признаться, считаю подобную перспективу мало вѣроятной. Въ реальной обстановкѣ жизни, безконечной неустойчивости организованныхъ силъ деревни, декоративности земельныхъ комитетовъ, планы Главнаго Земельнаго Комитета съ вычисленіемъ разныхъ мѣрокъ и нормъ, останутся на бумагѣ, Учредительное Собраніе, подъ давленіемъ многихъ обстоятельствъ, будетъ принуждено аграрную реформу, разсчитанную на десятокъ лѣтъ, подмѣнить реформой, спѣшно передающей земли въ распоряженіе общинъ. Землю придется отчуждать не по уравнительнымъ чертежамъ Чернова, а цѣлыми площадями, считаясь съ субъективными указаніями населенія. И будь подготовка аграрной реформы не въ рукахъ національныхъ утопистовъ, а въ трезво-революціонныхъ и смѣлыхъ рукахъ, было бы возможнымъ поставить на совершено иные рельсы и избѣжать третьяго способа рѣшенія вопроса, особенно нежелательнаго во время войны. Какого?

Если предпосылкой перваго пути—диктатура союза контръ-революціи и реакціи, второго пути—диктатура Разума и Слова, то третій путь—рѣшеніе земельнаго вопроса своеобразной «диктатурой» крестьянства! Это путь захвата земли. Центральная власть (Правительство, Учредительное Собраніе) будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ. Придется приложить штемпель, кое-гдѣ, кое-что исправить, а затѣмъ возглавить совершенный земельный переворотъ соотвѣтствующимъ учетомъ пострадавшихъ владѣльцевъ и ипотечныхъ банковъ. Согласны, это

путь не реформы по *Разуму* и *Слову*, а путь «самочиннаго», революціоннаго и, съ точки зрѣнія «законниковъ», уголовнаго «*дѣянія*», созидающаго, однако, новое *бытіе*. Захватный методъ не нашъ идеалъ; мы, однако, должны считаться и съ такой перспективой: «въ началѣ было дѣло».

Написано: «въ началѣ было Слово»—
И вотъ уже одно препятствіе готово.
Я слово не могу такъ высоко цѣнить,
И въ переводѣ текстъ я долженъ измѣнить.
Я напишу, что Разумъ былъ въ началѣ.
Но слишкомъ, кажется, опять я сталъ спѣшить—
И мысли занеслись и въ заблужденье впали:
Не можетъ Разумъ все творить и созидать.

Земельной пертурбаціей, революція, собственно, кончается и здѣсь же, и въ земельной области въ этомъ остромъ пунктѣ, проходитъ интервалъ между объективными силами революціи и объективными силами реакціи. Либеральная буржуазія по своимъ объективнымъ классовымъ интересамъ, сила революціи, а, между тѣмъ, она контръ-революціонно бросается въ дверь, которую революція отпираетъ, а реакція запираетъ. Вреднѣйшее для революціи значеніе имѣетъ то обстоятельство, что главныя идеологическія силы, отпирающія дверь, рядятся въ перья соціализма, увѣряя буржуазію, что основная реформа буржуазной революціи, называемая ими «соціализаціей», «закрываетъ всѣ пути назадъ къ буржуазному строю и оставляетъ только одинъ путь впередъ - къ соціализму». («Земля и Воля» № 77). И нечего удивляться, когда либеральная буржуазія, вслѣдъ за многими другими, начинаетъ вѣрить будто дверь дѣйствительно открывается въ переднюю соціализма. Конечно, она этого не желаетъ и, послѣдовательно защищая свои классовые интересы, бросается къ двери, загораживаетъ ее, становясь контръ-революціонной силою. Вмѣсто того, чтобъ «открывать» дверь, въ буржуазное общество, какъ того требуютъ ея объективные интересы, она ее прикрываетъ.

Національный маскарадъ соціалистовъ-революціонеровъ, повто-

ряемъ, оказывается для націи далеко не невиннымъ развлеченіемъ. Заимствованная отъ Хомяковыхъ вѣра въ христіанскую святость общинной уравнительности, въ современной обстановкѣ, порождаетъ тактику, бросающую озлобленныхъ хуторянъ въ широко открытыя объятія графовъ Апраксиныхъ. Православіе дворянъ Хомяковыхъ мститъ революціи, посягающей очистить страну отъ груза дворянскаго наслѣдства. И православіе же, въ костюмѣ «національнаго русскаго соціализма», пугаетъ либеральную буржуазію, откидывая ее въ сторону тѣхъ же Апраксиныхъ. Мертвые хватаютъ живыхъ! Буквально, историческій Бедламъ.

Либеральная буржуазія, загипнотизированная краснымъ платкомъ русскаго аграрнаго «соціализма», оказывается неспособной прозрѣть будущее. Она не видитъ, что актомъ (даже захватнымъ) передачи земли въ руки трудящихся, закрѣпляется «демократическая республика», представляющая ей власть, не раздѣляемую ни съ какимъ помазанникомъ Божіимъ. Получившее землю крестьянство успокаивается, «оказачивается» (ибо оземеливается), становится опорою порядка. О революціи нѣтъ и помину. Все спокойно. Въ деревнѣ начинается медленное пережевываніе полнымъ ртомъ полученной земельной пищи и политическая энергія крестьянства спадаетъ до нуля, вся направившись въ физіологію хозяйства. Въ странѣ происходитъ усиленный ростъ капитализма и политическая жизнь концентрируется въ городахъ, въ промышленномъ мірѣ. Ну, а здѣсь кто хозяинъ? Пролетаріатъ? Но, вѣдь, о ленинскомъ проектѣ управленія промышленностью фабричными комитетами, состоящими въ двухъ третяхъ изъ рабочихъ, будутъ вспоминать какъ о безумной попыткѣ русскаго коммуниста въ 1917 году скопировать утопію Ф. Бабёфа въ 1795 г. Противъ всякихъ нарушителей порядка республики будетъ крестьянство, а къ тому времени оно прекрасно научится отдавать честь республиканскимъ офицерамъ.

Возвращаясь къ землѣ и видя въ смѣлой, революціонной передачѣ земли въ руки крестьянства—актъ здороваго рожденія буржуазнаго общества, мы одновременно утверждаемъ, единствен-

нымъ реальнымъ органомъ, способнымъ «схватить» землю при спѣшной ея передачѣ, для спѣшнаго же ея распредѣленія, можетъ быть только община. Кое-гдѣ отчужденіе и распредѣленіе, возможно, совершится и чрезъ волостное земство, но на него, въ силу его дѣтства, особыхъ надеждъ возлагать не приходится.. Такимъ образомъ, община воскреснетъ, свершитъ свой послѣдній и на сей разъ, дѣйствительно, великій передѣлъ и выполнивъ тайную, страстную мечту десятковъ милліоновъ умершихъ поколѣній, сойдетъ въ могилу. Изъ нѣдръ родится соціальное преобразованіе, но, увы, не соціалистическое... Общинный ликъ, послѣ передѣла, настолько не будетъ соотвѣтствовать требованіямъ византійской иконографіи, что старыя изображенія сдадутъ въ Историческій Музей, а новыхъ писать не будутъ. Народническая иконопись, какъ опредѣленная работа національной мысли, потеряетъ всякій смыслъ и всякое оправданіе.

Земля перейдетъ въ руки общинъ и для насъ, очевидно, попавъ сюда, якобы, для пользованія, она крѣпко закрѣпится въ частномъ владѣніи. «Всякая частная собственность на землю будетъ отнынѣ и навсегда уничтожена, чтобъ отнынѣ и навсегда укрѣпить мелкую частную собственность». Въ селеніяхъ съ подворнымъ хозяйствомъ закрѣпленіе обнаружится почти немедленно; въ селеніяхъ съ общиннымъ владѣніемъ земля отчужденная или захваченная, данная только въ пользованіе,—изъ государственной ничьей, станетъ сначала общинной, а потомъ личной, отдѣльныхъ домохозяевъ.

По нашему взгляду историческій ходъ вещей привелъ къ разложенію сельскаго коммунизма и община насквозь проникнута бродящими собственническими вожделѣніями. Соціалисты-революціонеры, наоборотъ, вѣруютъ въ развитіе антисобственническихъ чувствъ, приводя, какъ доказательство, будто крестьяне всюду высказываются, чтобъ земля была «переходящей», а не постоянно — личнымъ владѣніемъ. Мы не глухіе и слышимъ, такъ, дѣйствительно, говорятъ на великорусской территоріи. И, понятно, идею пользованія, идею «переходящей» земли, какъ и идею царя,

здѣсь тащили столѣтіями. Мы не только не глухіе, но и не слѣпые. Наше пониманіе процессовъ хозяйственной жизни и того, что стоитъ за спиною тѣхъ, кто говоритъ, черпаетъ не изъ того, что говорятъ.

То теченіе реалистической соціальной мысли, къ которому имѣетъ счастье принадлежать авторъ, никогда не было заражено ни славянофильствомъ, ни народничествомъ, ни толстовствомъ, приглашавшихъ опроститься до мнѣнія народа, принявъ взглядъ его, какъ абсолютную «правду-истину» и «правду-справедливость». Не народу у насъ учиться, а намъ у народа. Онъ грѣшенъ, говорилъ К. Аксаковъ, но основанія его истинны, вѣрованія святы, а путь его правъ. Такъ думали они, а мы всегда думали, правъ Галилей, а не Ватиканъ, осуждавшій еретическую новизну, указывая на неподвижныя абсолютныя католическія истины вѣрующаго народа. Дѣло не измѣняется, что вмѣсто Ватикана святѣйшій Синодъ изъ Хомяковыхъ, Самариныхъ, народниковъ, «соціалистовъ-революціонеровъ», и кого бы то ни было, обязывающихъ насъ креститься на взгляды и мнѣнія народа. Онъ не «богоносецъ».

Истина на то и истина, чтобъ каждая эпоха, имѣя своего Христа и своего Пилата, устами Пилата вопрошала Христа: что есть истина? Она построеніе ума на данныхъ соціальнаго опыта и исторически мѣняется.

Народъ высказывался и еще высказывается за временное переходящее пользованіе общинной землей. Его «правда-справедливость», будучи хозяйственнымъ навыкомъ, экономически цѣлесообразнымъ въ условіяхъ приспособленія къ опредѣленной соціально-политической средѣ, будетъ оставлена, какъ не отвѣчающая потребностямъ приспособленія къ индивидуалистически-буржуазной обстановкѣ.

Анализъ дѣйствительности свидѣтельствуетъ о распадѣ русской общины, идущемъ съ колоссальнымъ запозданіемъ, но тѣмъ же западнымъ путемъ. Разныя угодія общинной земли въ разной степени, но уже подчинены власти частной собственности. Паст-

бища, выгоны, лѣса еще находятся въ общемъ пользованіи, какъ и во многихъ мѣстахъ Запада, гдѣ, все-таки, всюду господствуетъ частное владѣніе. Наоборотъ, усадебные и огородные участки въ крѣпкомъ владѣніи и абсурдъ называть ихъ землями пользованія. Они—«переходящая» земля «временнаго пользованія» лишь въ подсознаніи соціалистовъ-революціонеровъ, лишь въ ощущеніи горизонта православія Григорія Богослова: «ты здѣсь странникъ и пришлецъ, пресмыкающійся на чуждой тебѣ землѣ — все преходяще и все временно».

Между двумя полярными состояніями общинной земли въ состояніи промежуточномъ — озимыя, яровыя, паровыя, пахотныя земли, въ чьей глубинѣ и на поверхности замѣтно ходитъ створаживаніе частнаго, автономнаго владѣнія, отрицающаго и принудительный сѣвооборотъ, и переходность земли. Съ отмѣны выкупныхъ платежей, когда земля стала полнымъ владѣніемъ общинъ, за самое короткое время съ 1907 по 1916 г. обнаружилось напряженное стремленіе укрѣпить надѣлы въ личную собственность. По 1 января 1916 г. укрѣпительные и удостовѣрительные акты были выданы 2.478.000 домохозяевамъ на надѣльную площадь въ 16.919.000 десятинъ (почти половина Франціи). За то же время, съ тѣхъ поръ, какъ пала искусственная плотина, сдерживающая сословную собственность, и надѣльныя земли получили право участвовать въ общемъ, гражданскомъ оборотѣ, 1.154.000 крестьянъ-собственниковъ продали почти такому же числу лицъ — 3.922.000 десятинъ. Кто покупалъ? Трудовое крестьянство, стремящееся довести участокъ до трудовой нормы. Кто продавалъ? Слой, поставляющій кандидатовъ въ мышеловку параграфа 9, пункта 3. Пролетаризирующееся крестьянство, получающее въ будущемъ не деньги отъ мелкой буржуазіи, а векселя отъ соціалистовъ-революціонеровъ, притомъ не на гербовой бумагѣ и, разумѣется, безъ поручителей.

Ускоренный раздѣлъ общинной земли находитъ препятствіе не въ историческомъ отрицаніи собственности — исторія вѣдь мѣняется, а между прочимъ, въ томъ, что укрѣпленію участка

должно предшествовать его собраніе. Собираніе происходитъ и при принудительномъ сѣвооборотѣ, еще надолго экономически неизбѣжномъ. Участки крестьянскаго пользованія иной разъ разбросаны въ видѣ 10—20—40 клочковъ въ разныхъ угодьяхъ. Сведеніе ихъ, если не въ «отрубъ», то хотя бы въ немного болѣе очерченное удобное владѣніе, требуетъ длительной, кропотливой работы отграниченія, разверстанія, раздѣла, обмѣна, уничтоженія чрезполосности и другихъ манипуляцій. Европа, потратившая на землеустройство десятки лѣтъ, могла бы разсказать насколько сложна такая технико-хозяйственная задача. Напримѣръ, маленькая Данія, имѣющая площадь въ $3^1/_2$ милліоновъ десятинъ (размѣръ Гродненской губерніи) начала ее въ 1769 г. и кончила 1830. Россія же къ ней только приступаетъ. О тягѣ къ собранному участку можно, слѣдовательно, судить по косвеннымъ признакамъ интенсивности землеустройства. И вотъ данныя. Къ 1 января 1916 г., за десять лѣтъ существованія землеустроительныхъ комиссій изъ общаго числа 13 милл. крестьянскихъ дворовъ въ 463 уѣздахъ 47 губерніи Россіи, желаніе о различныхъ формахъ землеустройства заявили 6.174.000 домохозяевъ и для 3.831.000 изъ нихъ, на площади въ 34 милл. десятинъ, землеустроительныя работы въ подготовкѣ были окончены. Потребность, очевидно, была велика, разъ крестьянство обращалось въ землеустроительныя комиссіи, несмотря на ихъ архибюрократическую, далекую отъ народной жизни, постройку.

Нынѣ, по предписанію Чернова, субъективно— въ цѣляхъ общинной «соціализаціи», отмѣнены выходъ изъ общины и всѣ землеустроительныя работы. Объективный результатъ напередъ извѣстенъ. Чертежи соціалистовъ-революціонеровъ останутся на бумагѣ, а отмѣненные чертежи упраздненныхъ землемѣровъ воплотятся въ жизнь. Сквозь дымчатые очки иллюзій «соціализаціи» не видно, какъ въ чертежахъ землеустроителей обрисовывается готовящаяся появиться единоличная собственность, имѣющая свои запросы, свои потребности и свою обстановку. И не угодно ли политическое пари: придется еще ворошить законъ 14 іюня 1910 года,

ставить вопросъ «о правахъ крестьянъ на укрѣпленіе и выдѣлъ общинной земли» и организовывать громадное землеустроительное дѣло. Придется, словомъ, приняться за европейскую черную работу, о которой не имѣютъ ровно никакого представленія самобытные сочинители, крѣпко вѣрующіе, что «все образуется» чудотворною силою общиннаго начала.

Отнюдь не слѣдуетъ, будто единоличная собственность должна непремѣнно быть сведенной въ отрубъ и даже въ хуторъ. По положенію дѣлъ во Франціи, гдѣ еще въ 1884 г. четырнадцать милліоновъ владѣльцевъ имѣли землю, разбитую на 150 милліоновъ отдѣльныхъ парцеллъ, ясно можно судить насколько безпочвенна столыпинская «хуторизація». Закрѣпленіе въ единоличную собственность наступитъ гораздо ранѣе, чѣмъ исчезнетъ чрезполосность и земля правильно «свернется» по отрубамъ. На общинномъ фасадѣ могутъ развиваться какія угодно надписи и флаги, а за общиннымъ фасадомъ все-таки будетъ жить самое настоящее «собственническое» хозяйство. И факторомъ, способствующимъ безконечному усиленію собственническихъ чувствъ, явится именно переходъ помѣщичьей земли въ «общинныя» руки.

Крестьянинъ, въ качествѣ вѣрнаго сына Востока, возлагавшій надежды на сверхестественныя силы, на Бога («Богъ захочетъ и непосѣянное уродится), на царя-батюшку, на сказочную «ничью» землю,—процессомъ европеизаціи страны, исчезновеніемъ царя и превращеніемъ «ничьей» земли повсюду въ «чью-то»—безконечно измѣнитъ свою психологію. «На Бога крѣпко уповай, а самъ безъ дѣла не бывай»—протестантски холодно скажетъ буржуазное общество. И то же подтвердитъ церковь, принужденная въ порядкѣ приспособленія къ измѣнившейся средѣ, оставить въ покоѣ идеалъ птицъ небесныхъ, что «не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницу».

Азіатскій трудъ смѣнится трудомъ культурнымъ, превращая въ Западъ отсталый Востокъ. Новое небо, смѣняя страшное византійское, сойдетъ на нашу измученную, истерзанную Русь. И счастливы тѣ изъ насъ, кто, проживъ при самодержавіи и пере-

живъ 1905—1917 гг., былъ участникомъ великой революціи и удостоился видѣть родину, ставшую, наконецъ, наевропейскіе рельсы—прогресса, культуры и экономическаго развитія.

Прекрасно знаемъ, что крестьянство на «разгороженной землѣ», къ великому удивленію Чернова, настроитъ заборы и заборчики, помѣстивъ за ними — «мою избу», «мой сарай», «мой садъ», «мой огородъ», «мой лѣсокъ», «мою пашню», «мой выкосъ» и другія разнообразныя «мое». Идеалъ крестьянства великолѣпно извѣстенъ. Земля Русская, разгородясь отъ ветхихъ заборовъ феодальной собственности, гдѣ баринъ升 дралъ палкою провинившагося мужика, загородится великимъ множествомъ заборовъ свободной крестьянской собственности. Развѣ это насъ смущаетъ? И развѣ мы головастики кабинетной формулы? Вѣдь это прогрессъ, такъ необходимо и, это выводитъ страну на путь экономическаго развитія. Потому-то, русская соціалъ-демократія всегда опредѣленно и заявляла, для нея отнюдь не исключимо рѣшеніе аграрнаго вопроса съ помощью раздѣла помѣщичьихъ земель.

Но мы идемъ дальше. Буржуазная революція не предѣлъ стремленіямъ и по ея адресу не можемъ сказать словами Симеона—нынѣ отпускаешь, по глаголу твоему, съ миромъ! Частная собственность не нашъ идеалъ и ея нѣтъ въ нашей программѣ. Соціалъ-демократія стоитъ не за разбрасываніе ренты по милліонамъ рукъ (какъ с.-р.), а за сосредоточиваніе ея и земли, въ общественномъ распоряженіи. Рента для цѣлесообразнаго общественнаго употребленія, а земля для раціональнаго производства. Крестьянство, чрезъ общинную собственность, можетъ создать только частную собственность. Центръ организаціи дѣйствительно общественной, а не фиктивно-общественной въ родѣ общинной земли, лежитъ внѣ общины, въ городѣ, въ органахъ самоуправленія, объединяющихъ городскіе и сельскіе округа и дающихъ возможность въ упрабленіи землею и рентою участвовать пролетаріату, какъ классу, способному организовать «общественную» землю.

Обсуждая формы рѣшенія аграрнаго вопроса, нужно въ пред-

видѣніи перспективъ будущаго развитія, переноситъ «центръ тяжести съ деревни на городъ». Такъ, 11 лѣтъ назадъ, принимая участіе въ разработкѣ аграрной программы муниципализаціи, я писалъ въ журналѣ «Правда» («Аграрный вопросъ и рабочая партія». 1906 г.). Мои слова вызвали тогда у нѣкоторыхъ соціалистовъ-революціонеровъ усиленное желаніе полемизировать. Одинъ изъ нихъ, въ брошюрѣ «На ту же тему» насмѣшливо заявилъ, онъ даже не представляетъ себѣ хорошо, «что это значитъ». Ни этого, ни другого моего оппонента, къ сожалѣнію, уже нѣтъ въ живыхъ, но ихъ здраствующіе единомышленники продолжаютъ непонимать сути дѣла. «Это значитъ, писалъ я въ отвѣтъ, отдать землю въ руки такихъ органовъ самоуправленія, которые давали бы возможность каждому гражданину участвовать въ распоряженіи земельной рентой, ибо послѣдняя по самой своей природѣ не должна быть передаваема въ монопольное владѣніе какого-либо отдѣльнаго класса, хотя бы даже и трудового крестьянства... Передавая распоряженіе землею въ руки органовъ самоуправленія, объединяющихъ городское и сельское населеніе области, мы, тѣмъ самымъ, представляемъ возможность *все болѣе и болѣе увеличивающемуся индустріальному населенію*—осуществлять свои права, вытекающія изъ отмѣны частной собственности на конфискованныя земли. При передачѣ же земли въ руки сельскихъ общинъ, городъ, а, значитъ, и городской пролетаріатъ отъ этого дѣла совершенно устраняются» («Аграрная программа и ея критика», сб. Вопр. Момента, 1906).

Здѣсь очень умѣстно отмѣтить, что подъ давленіемъ острой необходимости правильно поставить дѣло снабженія городовъ сельскохозяйственными продуктами,—и нѣмецкіе, и англійскіе соціалисты, во время войны, выставили практическую программу (уже воплощаемую въ жизнь), проникнутую принципами, особенно характерными для русской аграрной программы муниципализаціи...

Если отправнымъ пунктомъ для постройки аграрной программы соціалистовъ-революціонеровъ, существованіе общинной земли, то оправной опорою для муниципализаціи—существованіе въ

Россіи громаднаго *аренднаго фонда*. «Соціализація» организуетъ «новую землю», т. сказать, внѣ города, около утопически разрисованнаго села, идиллически совершающаго обрядъ «поравненія». Муниципализація же стремится раскрѣпостить кабальный арендный фондъ и превратить его въ общественный, въ распоряженіи, которымъ энергично участвуетъ *городъ*.

Возможно ли осуществленіе земельной программы муниципализаціи, т.-е. при какихъ условіяхъ? Отвѣтъ—очевиденъ. При наличности силы города, расшифровывая, при наличности сильнаго пролетаріата. Наша аграрная программа расчитана на высокое, стойкое, соціалистическое сознаніе пролетаріата, обладающаго силою—государственно закрѣпить земельный переворотъ въ формахъ наиболѣе выгодныхъ для соціализма и для наиболѣе культурной конституціи сельскохозяйственнаго производства. Имѣется ли въ данное время такое условіе? Нѣтъ. Программа муниципализаціи земли въ искаженномъ видѣ еле-еле вмѣщается въ сознаніе даже интеллигенціи, мнящей себя «истинно соціалъ-демократической» и отлучающей отъ соціализма Г. В. Плеханова. Что же касается пролетаріата, то онъ смотритъ на землю не пролетарскими, а настолько простыми, сельскими, крестьянскими глазами, что невольно вспоминаются слова Жореса о французскихъ пролетаріяхъ революціи 1793 г.: «у нихъ отсутствовало ясное классовое сознаніе и не было ни стремленія къ иной формѣ собственности, ни представленія о ней».

Въ виду всего этого не повисаетъ ли въ воздухѣ программа муниципализаціи? Казалось бы—да, и оказывается—нѣтъ. Дѣло въ томъ, что война, поставивъ предъ всѣмъ міромъ продовольственный вопросъ, въ упоръ подвела сознаніе къ необходимости правильной организаціи сельскохозяйственнаго производства. Эта проблемма въ крестьянской и «народнической» Россіи, съ ея своеобразными «незападными» взглядами, ставитъ несуществующій для Запада (по своей элементарности) вопросъ объ особо бережномъ отношеніи къ крупнымъ культурнымъ, интенсивнымъ хозяйствамъ, производство коихъ, не въ примѣръ производству крестьянскихъ

хозяйствъ, явно, напримѣръ, отвергающихъ хлѣбную монополію («въ закрома къ намъ нечего лазить») можетъ быть использовано такъ, какъ того требуетъ государственный и общій интересъ. И мы категорически утверждаемъ, что здѣсь болѣе чѣмъ умѣстна программа муниципализаціи.

Моя работа, написанная еще въ іюнѣ и задержанная наборомъ, была готова выйти въ свѣтъ, когда я ознакомился съ «Инструкціей земельнымъ комитетамъ», данной отъ 16-го іюля министромъ земледѣлія В. М. Черновымъ. Приходится на спѣхъ передѣлать послѣднія страницы, чтобъ аргументировать вышесказанное утвержденіе, именно этой инструкціей, являющейся настолько важнымъ и интереснымъ документомъ, что нельзя не процитировать мѣста, относящагося къ «охранѣ интенсивныхъ хозяйствъ, породистаго скота, цѣнныхъ культуръ».

«Въ настоящее переходное время, сообщаетъ В. М. Черновъ, наличнымъ въ Россіи высококультурнымъ частнымъ хозяйствамъ грозитъ большая опасность разрушенія, какъ со стороны неправильныхъ и нецѣлесообразныхъ дѣйствій мѣстнаго крестьянскаго населенія, такъ и отъ своекорыстныхъ дѣйствій владѣльцевъ, напуганныхъ революціоннымъ движеніемъ и предположеніями относительно предстоящей земельной реформы. Земельные Комитеты имѣютъ гражданскій долгъ не допустить обезцѣненія такихъ очаговъ сельскохозяйственной культуры ни съ той, ни съ другой стороны. Строй хозяйства въ такихъ экоомніяхъ не долженъ нарушаться, поскольку онъ основанъ на работѣ собственнымъ инвентаремъ при помощи постояннаго наемнаго труда. Улучшенія положенія трудового населенія здѣсь можно добиваться не раздѣломъ интенсивно обрабатываемой земли между крестьянами, а улучшеніемъ положенія батраковъ въ матеріальномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи. Если же владѣлецъ такой экономіи совершенно не въ состояніи справиться съ затрудненіями и продолжать веденіе хозяйства, слѣдуетъ ее брать въ полномъ составѣ въ общественное завѣдываніе, (напр., Уѣздные Земельные Комитеты), а не подвергать ее раздѣлу. Точно также охраняться

должны молочныя фермы, снабжающія молокомъ и молочными продуктами лазареты, больницы, дѣтское населеніе городовъ. Такую же заботливость должны проявить Земельные Комитеты и въ отношеніи сохраненія цѣнныхъ культуръ: садовъ, виноградниковъ, свеклосахарныхъ плантацій, лекарственныхъ растеній и т. п., выясняя населенію всю важность бережнаго къ нимъ отношенія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ посѣвы свеклы, относительно которыхъ во многихъ мѣстахъ проявляется стремленіе населенія къ раздѣлу назначенныхъ подъ свеклу земель. Надо имѣть въ виду, что если бы даже эти земли и были послѣ раздѣла засѣяны крестьянами свеклой, урожай ея въ крестьянскомъ хозяйствѣ оказался бы неизбѣжно болѣе низкимъ, такъ какъ культура свеклы требуетъ такой затраты труда, которая по плечу лишь очень сильнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Но именно поэтому въ случаѣ раздѣла земель, посѣвъ свеклы значительно сократился бы и по площади. А все это грозило бы очень большимъ пониженіемъ нашей сахарной промышленности, и безъ того настолько недостаточной для удовлетворенія потребностей населенія, что странѣ уже грозитъ сахарный голодъ. Земельные Комитеты (Волостные, Уѣздные и Губернскіе) должны смотрѣть на себя, какъ на органы государственной власти и во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ, прежде всего, должны имѣть въ виду общіе государственные интересы. Комитеты могутъ далеко итти въ удовлетвореніи справедливыхъ требованій трудового крестьянства, но при непремѣнномъ условіи, чтобъ это не вело къ разстройству народнаго хозяйства, къ растратѣ производительныхъ силъ, къ гибели высоко интенсивныхъ хозяйствъ, къ пониженію и гибели такъ необходимаго Россіи урожая».

Мы должны горячо привѣтствовать подобную инструкцію. Она особенно важна въ наше время. Но нельзя не отмѣтить, что, ставъ на государственную точку зрѣнія, она впала въ рѣзкое, полное, абсолютное и поразительное противорѣчіе съ основными принципами исторической идеологіи соціалистовъ-революціонеровъ. Съ мая мѣсяца В. М. Черновъ, судя по измѣненію содер-

жанія рѣчей, пережилъ грандіозную эволюцію взглядовъ и, очевидно, ему нужно было коснуться власти, чтобъ съ этого высокаго поста, только теперь, въ обстановкѣ міровой войны, наконецъ-то начать понимать то, что въ сущности такъ просто и что мы, соціалъ-демократы, вѣчно утверждали, встрѣчая, однако, со стороны народнической мысли упорное сопротивленіе, переходившее моментами въ злостное искаженіе нашихъ взглядовъ

Сдѣлаемъ выводы изъ инструкціи. Признавая, «очаги» сельскохозяйственной культуры, какъ «безусловную цѣнность», признавая, что они не должны быть уничтожены и раздроблены, т.-е. совершенно опредѣленно ограничивая формулу «всѣ земли въ руки трудового крестьянства», нужно спросить, что же дѣлать, въ программномъ смыслѣ, съ подобными очагами? Они должны быть *муниципализированы*. Хозяйство остается, право собсвенности на землю у прежнихъ владѣльцевъ изъемлется и, напримѣръ, Губернское Земство имѣетъ право, во имя государственныхъ интересовъ, активно распоряжаться и контролировать веденіе подобныхъ хозяйствъ.

Муниципализація земли въ Россіи, такимъ образомъ, дѣйственный и практическій лозунгъ не въ силу требованія пролетаріата, а въ силу своей внутренней цѣнности, дѣлающей муниципализацію, въ обстановкѣ созданной міровой войной, необходимымъ требованіемъ для всѣхъ, кто, сохраняя культурныя и интенсивныя хозяйства, ищетъ путей для организованнаго снабженія городовъ продуктами сельскаго хозяйства. Муниципализація всего отчуждаемаго фонда, въ томъ числѣ и аренднаго, за отсутствіемъ силы, способной придать опредѣленный «стиль» итогамъ земельнаго переворота – невозможна, но муниципализація (и, въ частности, передача въ распоряженіе городовъ пригородныхъ большихъ имѣній) и возможна, и необходима. Не утверждаю, что муниципализація хозяйствъ останется навсегда послѣ переворота. Для подобной хозяйственной постройки много данныхъ и силъ на Западѣ и очень мало у насъ. Однако, совершенно ясно, даже исчезнувъ въ «нормальное» время изъ будущей Россіи, она, какъ

идея, можетъ сыграть крупную роль во время революціи, являясь и цѣннымъ практическимъ указаніемъ и «защитной идеологіей», нѣкоторымъ табу для культурныхъ и интенсивныхъ хозяйствъ отъ посягательствъ на него экономическаго вандализма и классоваго максимализма.

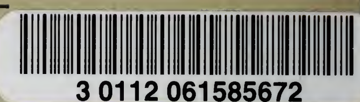
Въ заключеніе нѣсколько словъ—какой же общій видъ должна имѣть революціонно-дѣловая, не утопическая аграрная программа нашихъ дней. Оставляя детальныя указанія, отмѣчу главныя вѣхи. Необходимо эмпирически найти, зафиксировать и объявить для каждой данной мѣстности предѣлы частныхъ владѣній, не подлежащихъ отчужденію. Что сверхъ предѣла, всѣ земли частновладѣльческія, удѣльныя, церковныя, монастырскія подлежатъ отчужденію и распредѣляются по слѣдующему назначенію. Часть земель «отчужденнаго» фонда (лѣса) можетъ поступить въ распоряженіе государства, другая часть (культурныя, интенсивныя, нужныя для государства хозяйства) въ распоряженіе и подъ охрану городовъ, губерн. земельныхъ комитетовъ и губернскихъ земствъ, третья подавляющая, включающая въ себя и арендный фондъ, и опредѣленная, между прочимъ, по указанію крестьянскаго населенія, переходитъ въ руки общинъ и селеній для распредѣленія между нуждающимися. При такой программѣ возможна передача земли въ ускоренномъ порядкѣ, а распредѣленіе земли, конечно, лучше всего, сдѣлаютъ сами общины. Земельные комитеты могли бы несомнѣнно сыграть роль въ процессѣ распредѣленія, если бы они, какъ и многое другое, не были «потемкинскими декораціями» матушки революціи, во-первыхъ, и, во-вторыхъ сбросили бы съ себя гипнозъ утопій ветхаго завѣта народнической мысли...

Способны ли они на это?

Россія изживаетъ кошмаръ традицій прошлаго, увы, слишкомъ медленно и слишкомъ болѣзненно. Мы систематически опаздываемъ, всегда и во всемъ, замѣняя дѣло потоками словъ... И только послѣ сильной встряски какимъ-нибудь нагляднымъ обученіемъ начинаемъ усваивать элементарнѣйшія истины...

Цѣна 1 р. 25 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Философскія построенія марксизма. (Діалект ческій матеріализмъ, эмпиріоменизмъ и эмпирі критическая философія) 1907 г. 320 стр. Ц. 1 р. 25

Э. Махъ и марксизмъ. 1907 г. 114 стр. Ц. 60

Складъ изданія: кн. магазинъ „НАУКА“.
Б. Никитская, 10.